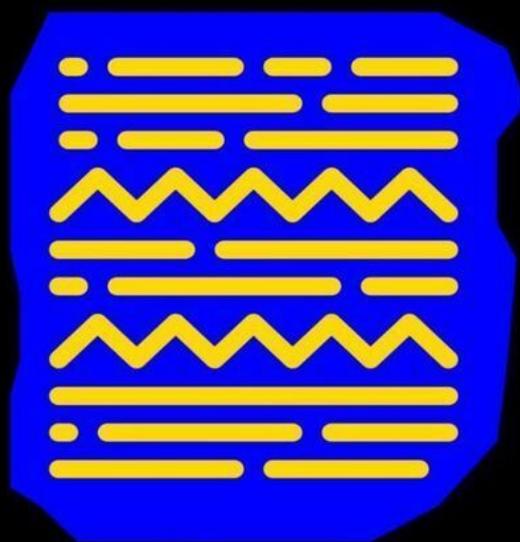

**Доброе утро,
Царь!**

Миры Лунасгарда IV

Анна Мистунцина

Анна Мистунина
Доброе утро, Царь!

«Издательские решения»

Мистунина А.

Доброе утро, Царь! / А. Мистунина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740563-2

Если ты наследница главного летописца, если все тайны древнего города к твоим услугам — будь осторожна. Остерегайся пыльных рукописей и старых заброшенных подземелий. Зачем тебе знать, чья тюрьма спрятана глубоко под древним храмом? Зачем тревожить его сон? В древности его звали Кровопийцей, Царем всего мира и даже богом. Твои предки дорого заплатили за свободу от его владычества. За тысячи лет его имя стало сказкой — жестокой и пугающей. Но теперь он проснулся. Он знает, кто ты. Он зовет тебя.

ISBN 978-5-44-740563-2

© Мистунина А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Голос безумного старца	6
Глава 2. Убить и выжить	16
Глава 3. Однажды в древности	26
Глава 4. Брат и сестра	35
Глава 5. Дед и внучка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Доброе утро, Царь!

Анна Мистунина

© Анна Мистунина, 2022

ISBN 978-5-4474-0563-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Голос безумного старца

– И не позволяй им утопить все в военной болтовне. Опасность исходит от бездомных. Тебе ясно?

Адай, энс Дома Самурхиль, старший летописец великого города Арша и всех его областей, ехидный и вздорный старик, которого на дух не выносили другие энсы, наклонился в своем кресле и наставил на Иарру костлявый палец:

– Повтори, что я сказал!

– Ты сказал, опасность исходит от бездомных и я должна не дать Палате утопить это в военной болтовне. Никто не станет слушать, дед. Дарастан...

– Молчи! Я скажу тебе, что будет. Будет война с Дарастаном, чего еще ждать? Все к этому и шло. Я предупреждал еще прошлой весной, но же слушает Адая? – старик пожевал губами, тонкими и почти бесцветными, и продолжил: – Эннуг бы вас всех забрал, я пережил больше войн, чем все эти молокососы, вместе взятые! Это всегда болтовня и затраты, а к лету все так или иначе завершится. Аршу это не опасно. Говорю тебе, на звездах начертана беда и исходит она не от Дарастана. Эннуг тебя поberi, девка, это же ясно как день! Почему я должен объяснять тебе простые вещи?

– Потому что ты притворяешься больным, чтобы я поехала вместо тебя в Палату, – Иарра увернулась от летящей трости, не прекращая расчесывать волосы: дело привычное. – Дед! Когда-нибудь ты меня убьешь!

– И поделом тебе! – рявкнул старик. – Мне следовало бы доверить свой Голос твоей матери, и, кажется, скоро я это сделаю!

Иарра незаметно сморщила нос. Отложила расческу и принялась собирать тяжелые волосы под украшенную бахромой налобную повязку. Пустая угроза. Она успела превратиться из несмышленища во взрослую девушку с тех пор, как дед с матерью в последний раз хотя бы разговаривали. В детстве, правда, Иарра мечтала о том, как однажды все наладится и они живут большой дружной семьей. Но даже тогда у нее хватало ума понять, что счастье продлилось бы от силы неделю, до первого большого скандала.

Дед заметил ее гримасу.

– А тебя следовало бы выдать замуж, – едко добавил он и с любопытством уставился на нее, ожидая ответа.

Иарра засмеялась несколько принужденно:

– Ох, нет, дед, ты же это не всерьез! Я слишком похожа на тебя, чтобы годиться в хорошие жены! Пожалуйста, разреши мне остаться с тобой!

Она умоляюще захлопала ресницами и тут же решила, что перестаралась. Но дед неразборчиво пробормотал что-то про «льстивую девку» и откинулся на спинку кресла. Вид у него был довольный.

Иарра подвинула к себе ларец дымчатого стекла и придирчиво выбрала украшения. Скромность и достоинство: тонкие золотые браслеты на запястья, жемчужное ожерелье на шею и две крупные жемчужины в уши. Длинное синее – цвет ее Дома – платье украшено только густой бахромой, так же, как и налобная повязка. На ногах сандалии с золотыми пряжками. Ничего лишнего, образ «богатая и самодостаточная».

Энс Адай одобрительно наблюдал за ней.

– У тебя есть чувство меры, не то что у твоей матери, – заметил он. – Отправляйся к этим болтунам, Эннуг их заberi, и сделай все правильно. Помни – опасность придет от бездомных. На звездах начертаны потрясения и великие беды. Мне снятся тяжелые сны, наверняка вещие... Впрочем, нет, этого не говори. Скажи так: Дарастан всего лишь пощиплет наши перья,

бездомные же сожрут нас изнутри, а мы не заметим их, пока не станет поздно. Ты поняла меня, глупая девка?

– Если я глупая, можешь ехать в Палату сам, – улыбнулась она, застегивая на шее замочек ожерелья.

– Ах ты... – он угрожающе оскалился, но трость лежала на полу у Иарриных ног. Других предметов, которыми можно в нее запустить, под рукой не нашлось. Дед с сожалением выдохнул и прорычал: – Делай, что я говорю! Зачем ты нужна, если я сам буду выслушивать их болтовню?

– Должен же кто-то выслушивать тебя, – она на всякий случай приготовилась спастись бегством, но Адай только рывкнул:

– Пошла вон!

Она хихикнула:

– Это ты в моей комнате, дед. Дай мне спокойно одеться, и я отправлюсь в Палату и выполню все, что ты пожелаешь. Как и всегда, вообще-то.

– Наглая девка, – буркнул Адай и велел: – Подай мне трость!

Иарра молча подняла тяжелую трость – рукоять в виде змеиной головы, окованный железом конец. Настоящее оружие, при случае и вправду может убить.

Дед схватил трость и дважды ударил железным концом в пол. Звук получился громкий – Иарра поморщилась. Тут же открылась дверь, и к деду с поклоном приблизился рослый юноша в сером хитоне до щиколоток, безбородый, с длинной косой на затылке. На лбу у него была вытатуирована синяя змея – знак Дома Самурхиль, но не рисунок, как у Иарры и деда, а лишь иероглиф-обозначение. Такие носили представители младших семей.

Раздраженный энс отвесил ему пощечину:

– Шевелись быстрее!

Юноша молча взялся за спинку кресла и покатил его к выходу. Хоть и рожденный в младшей семье, он принадлежал к их Дому, имел право на приставку «балл» перед именем и положенную всякому высшему долю почтения. Но в присутствии энса Адая ничего не значили ничьи права, кроме его собственных. Глава Дома был настоящим деспотом.

Резное кресло из редкой породы дерева выполнено в форме колесницы и украшено золотыми символами их Дома. Большие, чтобы их при случае можно было вращать руками, колеса мягко скользили по каменному полу. Младший – не по возрасту, а по положению – родич обернулся, кинув Иарре влюбленный взгляд, который та оставила совершенно без внимания. Здесь Видаху было не на что рассчитывать. Он это знал, но из чистого упрямства не прекращал попыток. Сильно, впрочем, не докучал, потому Иарра в те моменты, когда замечала его существование, держалась вполне дружески.

Она провожала глазами трясущийся, едва прикрытый седыми волосами затылок деда, пока дверь не закрылась. В комнате остался запах лекарств и старости, такой же привычный, как вспышки раздражения старого энса.

Вздохнула, уронив руки на стол.

Глава одного из трех Синих Домов Арша был не только стар, деспотичен и зол. По мнению чуть ли не всех в Высокой Палате энсов, он давным-давно выжил из ума, и минутами Иарра была готова с этим согласиться.

Безумный Адай, вот как его называли. В первую очередь за то, что он уже много лет был одержим поисками секрета бессмертия. По его словам, этим секретом владели древние жители Арша – давным-давно, еще до того, как кочевые племена пересекли юго-восточную пустыню и, смешавшись с остатками почти вымершего народа, составили нынешнее население города и областей. Никаких доказательств, что древние владели бессмертием, у деда не было. Да и откуда, если они все давным-давно умерли? Но год за годом энс Адай все больше проигрывал собственное сражение со старостью и тем упорнее зарывался в старинные документы.

А теперь еще увлекся астрологией. Не поздновато ли в девяносто шесть лет учиться толковать небесные знаки? Да еще навязывать свое истолкование тем, кто посвящал себя этому занятию с детства! Неудивительно, что главы других Синих Домов разговаривают с ним сквозь зубы.

Сквозь распахнутые во внутренний двор окна лился солнечный свет. Невыносимо жаркое аршское лето, когда раскаленный ветер насыпал на улицах холмы принесенной с пустыни пыли, а небо выгорало до белизны, закончилось. В город вернулась жизнь. Близилась зима – унылое время дождей, походов и войн, но дни стояли хорошие, солнечные. Издалека долетел утробный звук рога, возвещавшего наступление вечера. Иарра вздрогнула и наконец-то встала на место вторую сережку.

Закончив, потянулась за предметом, который дед оставил на столе – на самом деле ради этого он и явился в ее комнату, а вовсе не затем, чтобы швыряться тростью. Она сбилась со счета, сколько раз в последнее время энс Адай уклонялся от заседаний Палаты, отравляя ее вместо себя. Но все еще, каждый раз, по ее телу пробегала дрожь, когда пальцы касались ребристого металла энского жезла.

Тонкая серебряная змея изогнулась, готовая зашипеть и ужалить. Не иллюзия – жезл энса был не только знаком власти, но и смертоносным оружием, способным защитить хозяина от нападения или, если придется, подарить ему самому быструю смерть. История Арша знала и такие случаи.

Но гораздо чаще, конечно, жезл использовался по назначению, как знак для голосования в Палате и печать для заверения документов.

Страшно подумать, какую власть энс доверил ее рукам. Ведь если бы Иарра захотела... Придумай любой указ, заверь его змеиной печатью, и его придется исполнять девятой части живущих в Арше высших, а уж свободным и бездомным – всем поголовно. Она в жизни ничего подобного не сделает, и дед это знает. Его доверие ценнее любых богатств, а что он при этом кричит и кидается тростью – да ради Двоих, разве ей жалко?

Подвешивая драгоценный жезл к запястью, Иарра старалась не думать о змеином хвосте, оказавшемся в опасной близости от ее тела, и механизме, скрытом в кончике этого хвоста. Ничего. У каждого из девяти энсов в жезле имеется подобный сюрприз, но за всю историю Арша никто из них не погиб по неосторожности. Может быть, и нет там давно никакого яда.

Подошла к зеркалу. В изысканной бронзовой раме – кусающие друг друга за хвост змеи, в этом доме, куда ни глянь, всюду змеи, – оно занимало добрую половину стены. По ту сторону зеркала была комната, неотличимая от ее собственной: книжные полки во всю стену, большой ларь со всяким хламом, заваленный бумагами стол для письма.

Посторонний сказал бы, что здешняя обстановка годится для старого ученого вроде деда, но разве об этом мечтает девушка в неполных двадцать лет? Но такой человек просто не имел бы понятия, что значит имя Самурхиль.

К тому же в стенном шкафу и в примыкавшей к кабинету спальне Иарры хватало и нарядов, и драгоценностей, косметики и духов, даже очень дорогих, привезенных из самого Эссарда. Так что упрекать ее в занудстве – несправедливо.

Она оценивающе сощурила глаза, разглядывая свое отражение: волны тяжелых черных волос доходят до самых бедер, оттеняя синюю ткань платья, блестящие глаза чуть подведены зелеными тенями. Татуировка на лбу – свернувшаяся кольцом синяя змея – прорисована с великим искусством, как и положено представительнице старшей семьи. Очень смуглая кожа, темнее, чем у большинства аршцев, досталась ей от деда, как и чересчур большой нос. Рост немного выше, плечи уже, а грудь и бедра меньше, чем положено, если хочешь называться красавицей, но тут уж ничего не поделаешь. Уродиной ее тоже никто не назовет, и вовсе не потому, что побоится оскорбить старшую Самурхиль.

Завершив осмотр и сочтя свой вид благопристойным, Иарра подхватила со стула легкую накидку, надела ее, прикрыв дедов жезл, затем высоко вздернула нос и направилась к дверям. Кому что, а ей заседать в Палате энсов.

– Только Шунда нам и не хватало!

Энс Дурм, глава Дома Эбратхиль, от волнения даже приподнялся с места. Двойной подбородок энса трясся, но от страха или от возмущения, понять было невозможно.

Расположенные кругом в несколько ярусов места позволяли видеть лица почти всех участников заседания Палаты. Зал мог вместить несколько сотен человек; солнце освещало его через круглое отверстие посередине свода, что закрывалось только в случае дождя. Потолок поддерживали ряды колонн. Пол понижался к середине, где была площадка для выступлений и церемоний. Передний круг сидений предназначался ансам девяти Домов, верховным правителям города и областей.

Три Красных Дома – воины, сила и мощь Арша. Три Синих Дома – ученые и летописцы, мудрость Арша. Три Белых Дома – врачи, служители милосердия и священники, душа Арша. На этих девяти столпах великий город благоденствует уже тысячу лет. Нет сомнений, что такое устройство мудрее и благороднее всех остальных, придуманных людьми.

Только в особых случаях, таких, как сильная болезнь, энс мог пропустить собрание, отправив вместо себя близкого родственника в качестве Голоса. Кроме деда Иарры, этим правом воспользовался престарелый Белый энс Рууз.

В следующих рядах сидела свита, летописцы, ведущие подробную запись каждого заседания – позже будет решено, какая часть записей войдет в официальную летопись и останется на века. Там же обычно сидели просители, жалобщики и тяжущиеся, взыскивающие суда энсов. Сегодняшнее экстренное собрание не предполагало разбора их дел. Остальные места предназначались зрителям, высшим и свободным, пришедшим, чтобы наблюдать за правосудием и требовать от энсов мудрых и справедливых решений.

Вечерний свет распространялся из центра зала так, что вдоль стен лежала тень, зато середина празднично сияла – яркие ткани, драгоценные украшения, начищенные панцири стражи.

Тем заметнее была тревога на лицах.

Беспокоиться и впрямь было отчего. Если верить известиям гонца, правители Дарастана обменялись клятвами дружбы с Шундским союзом. Само по себе это не значило для Арша ничего хорошего. А прибавить сегодняшнюю новость про караван, шедший из Аргала в Арш и разграбленный шундцами на землях Дарастана, – получалось совсем плохо. По договору именно дарастанские военные отряды защищали караваны от алчных и воинственных полукочевых племен. Засушливая почва Шунда даже в хороший год едва-едва могла прокормить своих обитателей. Разбой и грабеж считались у них обычным делом. После каждой новой засухи шундцы нападали на изобильный в сравнении с ними Дарастан. Арш, расположенный гораздо дальше и отделенный Дарастанской равниной, шундцев почти не интересовал. Но если вечные противники объединятся, город может не выстоять.

Весть о разграбленном караване уже принесла плоды: цены на аргалские ткани, пряности и вина подскочили, и это лишь начало. Потеря торгового пути даже без всякой войны нанесет огромный ущерб благополучию Арша.

В задних рядах, где сидели представители младших семей и свободные, поднялся шум. Разобрать слов Иарра не могла – устройство зала было таково, что задним, чтобы их услышали, приходилось специально повышать голос. В то же время каждое слово, прозвучавшее в центре, разносилось до самых стен.

– Нам нужно смотреть правде в глаза, – спокойно, не теряя достоинства, произнесла энса Амурата. – Мы будем готовы к этой опасности. И мы ее встретим.

Квадратная, с точными расчетливыми движениями, Амурата больше походила на мужчину, чем на высокородную энсу. Единоличная правительница Красного Дома Дильмун, она знала, о чем говорит.

Смуглый красавец Карана, первый богач Арша и глава другого Красного Дома, согласно поднял руку:

– Дом Нинхур готов собраться и выступить в течение семи дней. Если даже сведения верны, – я говорю «если», – нет никаких причин для отчаяния. Это не первый раз, когда наши враги объединяются против нас. Арш выстоял прежде, выстоит и теперь.

– Так что же, бояться нечего? Можно возвращаться к своим делам? – крикнул кто-то из дальней части зала.

Энс Дурм недовольно оглянулся – его раздражало, когда свободные подавали голос. Иарра удержалась от гримасы – Дурм раздражал ее куда сильнее представителей среднего сословия.

И поймала незаметную усмешку молодого летописца из ее собственного Дома. Он сидел напротив, во втором ряду, и, кусая свой длинный локон, быстро покрывал чернилами тонкий бумажный лист. Позже его отчет, переписанный и сокращенный, войдет в летопись города Арша. А еще через сотню лет его, возможно, будут изучать историки, надеясь извлечь какие-то уроки из болтовни десятка бездельников, которым вскоре предстояло выиграть – или проиграть, если не повезет, – войну.

«Я опять думаю, как дед».

Иарра постаралась сосредоточиться на словах энса Караны. Тот с убийственной вежливостью объяснял кому-то, что вовсе не обязательно бояться, чтобы дать врагам отпор. И что свободные вполне могут заниматься своими делами, пока на страже спокойствия Арша стоят Красные Дома.

Новый голос напомнил высокородному энсу, что именно свободные предоставят своих сыновей Красным в качестве пехотинцев, когда прозвучит призыв. А значит, свободные вправе беспокоиться и задавать вопросы, ведь они оплатят возможную войну жизнями.

В разговор вклинился третий свободный, добавив, что речь не только о жизнях – когда высокородные энсы намерены сообщить о новом повышении налогов?

Дурм трясся и чуть не лопался от возмущения. В центре зала, всеми забытый, переминался с ноги на ногу гонец.

– Небесные знаки! – громко сказала энса Харита, и голоса сразу смолкли, внимая главе Синего Дома Дамур, – Небесные знаки обещают смерти и разрушения еще до конца этого года! Вы будете глупцами, если не услышите предупреждения!

Негромкое общее «ох» ненадолго объединило членов высшего сословия и свободных. Звезды были таким же семейным делом старших Дамур, как летописи – старших Самурхиль. Энса Харита, напыщенная и сварливая, во всех отношениях неприятная особа, была в этом лучшей, как и положено главе Дома. Не услышать ее было невозможно.

Воспользовавшись недолгой тишиной, подал голос Белый – энс Семум из Дома Аншамар:

– Относительно того, что наши враги не впервые объединяются... Здесь присутствует внучка нашего главного летописца. Высокородная Иарра, можешь ли ты поведать, что случилось, когда они объединились в прошлый раз?

Дурм повернул голову и отодвинулся, будто только заметил, что Иарра сидит рядом с ним. Харита с другой стороны зала даже не взглянула в ее сторону. Это было обидно и несправедливо, хоть и привычно. Энсам и в голову не приходило, что Иарра – не то же самое, что ее дед, что она не сделала в жизни еще ничего, за что ее можно любить или презирать.

Достаточно было того, что она Самурхиль.

А вот энс Карана, что сидел рядом с Харитой, ободряюще улыбнулся и даже, кажется, подмигнул. Хотя наверняка знал, что ее ответ опровергнет его заверения, будто Аршу ничего не угрожает.

– В последний раз Дарастан объединялся с Шундским союзом семьдесят лет назад, – начала Иарра. Эту историю она знала не из летописей, а из собственных рассказов деда, который в ту пору уже был энсом Дома Самурхиль. – Их орды дошли до самого Арша и вошли в него, неся смерть и разрушение. Отбросить их удалось, только когда подошла подмога из Эссарда... Две тысячи Бессмертных. Это разорило казну, но спасло город.

Ей показалось, или после слова «Бессмертные» от усмешки в ее сторону не удержался никто? Изыскания энса Адая были любимой мишенью для таких шуток, хотя, свидетели Двое, это полная глупость! Что общего между поиском бессмертия и темным колдовством эссардских ходячих мертвецов, пусть даже их называют тем же словом?!

Она вздрогнула от неожиданности, когда ясный молодой голос произнес так, словно будто это было самым обычным делом:

– Так давайте найдем Бессмертных.

Это был Кадм из Дома Рууз. Не энс, всего лишь, как и сама Иарра, Голос своего отца. Все головы повернулись к нему, но он лишь улыбнулся и кивнул:

– Если все равно потом придется, лучше сразу, разве я неправ?

Зал притих, как затихает природа перед грозой, – и взорвался настоящей бурей.

– Бессмертные? Нет и нет, от них добра не жди! Вы знаете, что у них нет души? Говорят, в них вселились демоны!

– Хватит сказок, нет никаких демонов! Это все наркотики, их одурманивают, чтобы не боялись смерти!

– Наркотики, да ну?! Ты хоть раз видел живого Бессмертного?

Смех.

– Оксюморон!

– Да и что с того, если нам нужна помощь! Бессмертные непобедимы!

– А кто сказал, что она нам нужна? Энс Карана, разве ты не обещал выступить через неделю?

– Вы что, не слышали Самурхиль? Хотите сдать город шундцам?

– А звезды? Дамур сказала – смерти и разрушения, еще до конца года! Этого вам мало?

– Какая война без смертей и разрушений?

– Хватит, нет еще никакой войны!

– Когда начнется, будет поздно!

Иарра закусила губу – она только сейчас вспомнила про бездомных. Надо хотя бы попытаться, иначе дед просто ее убьет.

– Энс Адай велел мне сказать...

Но она тут же замолчала – голос потерялся в общем шуме, разве что Дурм презрительно дернул щекой. Ну что тут поделаешь?

Летописец во втором ряду почти дожевал свой локон. Перо в его руках двигалось так быстро, что впору было завидовать.

– А деньги? На какие деньги найдем Бессмертных, я вас спрашиваю?

– Введут новые налоги!

– Вот-вот! Вам только дай повод!

Иарре очень хотелось зажать уши. Кто-нибудь сегодня положит этому конец?

– Ти-ше! – раздался наконец грозный рык.

Нерр, единственный из Красных энсов, кто до сих пор хранил молчание, встал со своего места. Его голосом можно было рушить стены. Несколько человек в задних рядах договорили начатое, потом воцарилась тишина.

– Отпустите гонца, – буркнул Нерр, садясь обратно.

Гонец, принесший послание от дарастанского торговца драгоценностями и заодно согладая, служившего Аршу вот уже двадцать лет, встрепенулся – видно, уже и не ждал, что о нем вспомнят.

– Тебе есть, что еще добавить? – спросил его энс Карана.

– Господин Алап обещает, что отправит уважаемому собранию нового вестника, как только узнает новые подробности, и почтительно спрашивается о деньгах, энс.

– Скажешь ему, что деньги будут тогда же, когда и подробности! – гаркнул энс Дурм. Получилось и вполтину не так грозно, как у Нерра, но все же у Иарры заложило ухо. – Нам нужны проверенные сведения, а не слухи!

Гонец поклонился, пересек зал и вышел вон. Двери бесшумно затворились.

– Как видим, – заметил энс Карана, – сведения о возможном сговоре Дарастана с Шундским союзом еще требуют проверки. Стоят ли они поспешных решений, цена которых может оказаться для нас непомерной?

Он явно надеялся обойтись без всяких Бессмертных. Только из-за их огромной цены? Дед учил – слушай не слова, а причину слов. Чего желает энс Красного Дома, учитывая, что в мирное время Девять Домов равны, но в случае войны, когда вся надежда на Красных, они и решают все? Двое из них, скорее всего, отправятся с войском. Третий останется готовить оборону Арша. Станет, на время, единоличным правителем города. Кто это будет?

– А какова она, эта цена? Мы хотя бы можем узнать? – Кадм явно не собирался уступать.

И его поддержала Амурата, укрепив Иаррины опасения – не только Синие Дома плохо уживались меж собой. Красные соперничали ничуть не меньше:

– Предлагаю начать переговоры немедленно, – она улыбнулась Каране. – В моем совете тоже слышали о Дарастанских делах, и, назовите это предчувствием, – я на всякий случай велела задержать в порту торговый корабль. Он отправится, как только получит разрешение. Нам нужно только выбрать смышленного гонца и составить послание. Что скажете?

Можно было бы счесть дурным знаком для всех, что военный Дом находится под управлением женщины, но энса Амурата была достаточно умна, чтобы даже не пытаться править им в одиночку. В ее личный совет входили и заслуженные боевые командиры, и искусные мастера стратегии, и мирные знатоки истории, в том числе из Дома Самурхиль. Приходя в Палату, энса Амурата приносила с собою мнения их всех и, уж конечно, не уступила бы права на первенство никому и ни за какие блага.

– Если сведенья окажутся ложными, переговоры всегда можно прервать. В любом случае так мы потерпим ущерб меньший, чем если станем тянуть и проиграем войну только из-за того, что помощь не успеет прийти, – закончила она.

– Вопрос только, насколько меньший, – хмуро заметил Дурм. – И на какой срок прикажете нанимать Бессмертных?

– Если понадобится, мы должны изыскать возможность, – с нажимом сказала Амурата.

– Сколько? И как надолго? Спасите нас Двое, мы даже не знаем, когда начнется война и будет ли она вообще!

– А вы не ждите, – со смешком предложил Кадм. – Если уж берем Бессмертных, нападём сами. Зачем нам платить Эссарду из своего кармана, когда можно из добычи?

– В моем совете обсуждали эту возможность, – спокойно отозвалась Амурата. – Мы пока не готовы высказать свое мнение.

Вот как. Интересно, чем тут занят юный Кадм – озвучивает все смелые мысли Амураты? И что об этом думает его отец?

– Эннуг их всех забери! – не к месту буркнул Нерр.

Любимое дедовское ругательство прозвучало в его устах весомее некуда. Иарра не поручилась бы, кого именно энс посылает к Эннугу – дарастанцев, Бессмертных или своих собратьев из Красных домов.

Заметив, что все на него смотрят, Нерр спросил:

– Еще кто-то хочет высказаться?

Ничего не поделаешь – Иарре пришлось подняться.

– Я хочу. Здесь говорили о небесных знаменьях, и мой дед тоже о них говорил. Он просит вас обратить на них внимание. Он уверен, что они предвещают не войну с Дарастаном... или не только войну. Речь о бездомных, и...

Энса Харита, верховная хозяйка небесных знамений, почти лопнула от гнева. Дурм шумно расхохотался:

– Ну, началось!

– В последние месяцы мы все чаще слышим о драках и нападениях, – упрямо продолжила Иарра. – С полей и ферм приходят тревожные вести. Пропадают люди, свободные и даже высшие. Энс Адай опасается восстания и просит Палату обсудить проблему бездомных и принять меры к их усмирению, пока еще не поздно!

Она не собиралась кричать, но слишком обидными были их ухмылки, их пренебрежение на глазах у всего Арша. За что это ей?!

Амурата ласково улыбнулась:

– И поэтому он в который раз лишил нас удовольствия от своего присутствия, отправив вместо себя внучку.

– Зубастую внучку, – фыркнул Кадм.

Иарра вздрогнула. Да как он смеет?

– Энс Адай стар и слаб телом, но никто не смеет сомневаться в его разуме, – выдохнула она и добавила с ударением: – балл Кадм.

Пусть знает. Он тоже здесь не по личному праву.

Сомневаться в разуме энса Адая смели буквально все. Кадм, конечно, хотел сообщить об этом Иарре – самым язвительным, на какой был способен, тоном.

Но прежде раздался голос Караны, и ядовитому баллу пришлось захлопнуть рот.

– Я разделяю беспокойство энса Адая насчет бездомных, – сказал глава Красного Дома. – И прошу обсудить его слова.

Что ж, похоже, один-один. Амурата взяла сторону не в меру ретивого Кадма, и Карана решил поддержать Иарру. Только вот что это ему даст? Ведь дед, скорее всего, и вправду ошибается... а Кадм и вправду прав.

– До ночи просидим, – буркнул Кадм вполголоса не так заносчиво, как прежде.

– Значит, просидим до ночи, – резко ответил Карана и улыбнулся Иарре.

Когда она наконец выбралась из здания Палаты, звук рогов уже возвестил наступление полуночи. Мягкий бархат неба был расшит звездами, как драгоценностями. Члены собрания расходись в сопровождении своей охраны, уставшие и по большей части недовольные. Ничего особенного – какие бы вопросы ни обсуждались здесь, они всегда расходились недовольными.

Большинство шли пешком. Богатых ожидали колесницы, престарелых – уютные и неторопливые четырехколесные экипажи. Энсы и самые заносчивые из высших передвигались по городу в носилках, несомых рабами и окруженных вооруженной стражей, – давно устаревший, по совести говоря, знак достоинства.

Иарра тоже хмурилась, выходя. Деду не за что будет ее похвалить. Нежданная поддержка Караны ничего не принесла, его слово было куда весомее в военных делах. Управление низшими сословиями находилось в ведении жрецов из Белых Домов, а знание почти во всех

его формах принадлежало Домам Синим. Главы этих последних слишком презирали своего выжившего из ума собрата, чтобы хотя бы задуматься над его словами.

А Иарра – Иарра всего лишь внучка. Унижать ее и ставить на место не возбраняется никому.

Что касается остальных новостей, они тоже вряд ли понравятся энсу Адаю. Кстати, когда ему в последний раз что-нибудь нравилось? Аршу действительно грозит война – война с объединенными силами Дарастана и Шундского союза. Плодородные земли Арша, значительная часть которых лежит в дельте реки, живительного Ксара, издавна вызывали зависть соседей. Но до сих пор Аршу удавалось усмирять их аппетиты. Чаще всего – своими силами. Изредка – с помощью Эссарда.

Эссард, союз трех великих городов, ставших единым, еще более великим государством, лежит далеко на западе, отделенный пустыней и грядями почти непроходимых гор. Попасть туда можно кружным путем, что занимает у караванов больше двух месяцев, так что до наступления летней засухи они успевают совершить его лишь дважды – туда и обратно.

Второй путь быстрее – на кораблях, проходящих по главному руслу Ксара до Южного моря, затем, при попутном ветре, огибавших плодородные земли дельты двух рек и уходящих в бурные воды Эла, чтобы подняться на веслах против течения к далеким пристаням Эссарда. Теперь, если аргальские рынки окажутся недоступны, эти два пути станут главной жилой, несущей в Арш все, чего не производят его собственные земли.

Но не только рынками славится Эссард. Главным его достоянием все считают колдовство – тайные силы его жрецов, повелевавших буквально жизнью и смертью. С этими силами Эссард мог бы легко захватить весь мир, если бы только пожелал. К счастью, его властители предпочитают управлять миром при помощи страха и золота, а не оружия.

Иарра поехала. Она ни разу не встречала живых, если к ним вообще применимо это слово, Бессмертных, только читала о них в книгах да слышала дедовские рассказы. Этого хватало, чтобы холодок бежал по коже при одном упоминании. А теперь, возможно, Бессмертные появятся в Арше во плоти, и их будет очень много.

Нет, об этом обязательно должен узнать дед!

– Прохладно? – спросил голос над самым ее ухом.

Иарра вздрогнула. У Караны была привычка подходить неслышно, слушать разговоры и задавать неожиданные вопросы. Он все время что-то высматривал и выслушивал, тонко улыбался, как человек, который знает все тайны, но никогда ни с кем своими выводами не делился.

Иарра знала, что интересы этого Красного отнюдь не ограничиваются воинским искусством. Карана был завсегдатаем библиотек и обсерваторий, владел древним языком, геометрией и математикой и даже писал стихи.

К тому же он был вдовцом и, без сомнения, самым завидным женихом Арша.

Как и сама Иарра, он не водил за собой охраны – довольно самонадеянно для самого богатого из глав Домов. Недавно ушедшую Амурату сопровождали шестеро стражей, у Караны же был только короткий меч на бедре.

От него прямо-таки веяло богатством: пурпурный хитон украшен золотыми нитями, поверх него расшитый бахромой плащ и пурпурная же шапочка с нашитыми кроваво-красными гранатами. Татуировка на лбу была тоже красной – лев, символ Дома Нинхур. Золотые браслеты на запястьях и на предплечье, золотой обруч на шее, золотые кольца на каждом пальце, золотые нити в бороде, тщательно расчесанной и заплетенной по последней моде в две косы. На запястье правой руки жезл – Голос энса со львиной головой и львиным хвостом.

Несмотря на плотность и заметный живот, двигался он с опасной грацией меченосца. Каждое движение сопровождал аромат мирта и корицы, сладковатый и немного вызывающий.

Иарра отступила на шаг, не желая оставаться в плену этого запаха.

– Прости, что напугал, дорогая балла, – он улыбался добродушно, даже с симпатией. – Вечер прохладный, а ты легко одета.

– Спасибо, – сказала Иарра. – Мне не холодно.

– Нет? Тебя ведь ждет экипаж? – энс нахмурился. – Мне жаль, что мы не пришли к соглашению насчет бездомных, балла Иарра. Лично я уверен, что твой дед прав. Что-то назревает, и мне это очень не нравится. Лучше не появляться на улицах без охраны, особенно ночью.

Охрана? Ей? Ну вот еще!

– Я могу за себя постоять, энс Карана.

– Не сомневаюсь, ведь ты внучка Адая. Но все-таки лучше тебе обзавестись стражей. Я порекомендую энсу Адаю нескольких надежных юношей из моего Дома, если ты позволишь. Может быть, – и сегодня я искренне хотел бы ошибиться, – мы скоро столкнемся с чем-то таким, чего прежде не бывало.

– С бездомными, которые будут способны на большее, чем шуметь и кидать камни? Которые будут опасны для высших, даже для воинов? – энс выглядел удивленным, и она пояснила: – Дед так говорит.

– Энс Адай очень мудрый человек.

– Я знаю, – Иарра помедлила, но он молчал, только смотрел тревожно, и она сказала: – Меня ждет экипаж.

– Это хорошо. Легкой дороги тебе, балла Иарра.

– Тебе тоже, энс Карана.

Быстро зашагала прочь, по усыпанной светлым песком дорожке в тени пожилых кипарисов, к открытой площадке для экипажей.

Ее уже заждались. Молодой задорный колесничий поигрывал хлыстом, тройка золотистых лошадей эссардской породы переступала, дыша нетерпением. Они встретили Иарру фырканьем и взяли с места сразу, стоило ей взойти на колесницу.

Прохладный вечерний ветер с запахом дождя ударил в лицо, растрепал волосы. Иарра не удержалась от вскрика. Рассмеялась. Она любила скорость, и ветер, и своих лошадей, любила ночь и серебристую россыпь созвездий над родным городом.

Укки, колесничий, залихватски ухмыльнулся ей через плечо – он понимал. С вожжами в одной руке и хлыстом в другой он казался хозяином ночи из песен, что правит летящими по небу скакунами-ветрами.

Иарра улыбнулась ему и стала смотреть вперед.

Глава 2. Убить и выжить

Колесница неслась почти бесшумно – улицы в этой части Арша были гладкими как стекло. Укки управлял мастерски, объезжая поздних прохожих, обгоняя медленные экипажи и умудряясь избежать столкновения всякий раз, когда оно казалось неизбежным.

Вокруг лежал Средний город, живое пульсирующее сердце Арша, древнейшего города в мире. Столицы других государств, Эссарда и Аргала, и далеких земель за Северным морем, могли сколько угодно кичиться превосходством, похвалиться богатством и называть себя центрами культуры и цивилизации, – Арш все равно оставался ее колыбелью. Город, переживший старость и умирание, отстроенный на руинах и вновь состарившийся, он по праву назывался вечным и по праву презирал своих молодых соперников. Это презрение отличало его жителей вплоть до самых низших слоев.

Все, что можно найти в других кварталах, в Среднем городе было больше и лучше: театр и главная городская библиотека, музей, огромная башня-обсерватория, высочайшее из строений Арша, ипподром – забава сравнительно новая, лошади для нее доставлялись из самого Эссарда или из Аргала. В просторных залах под открытым небом волшебники – мастера иллюзий творили чудеса на потеху зевакам, зрители в легких одеждах спорили о достоинствах выставленных картин, поэты устраивали песенные состязания, а ветер смешивал запахи их благовоний с пряностями открытых ресторанов, и всегда, в любое время суток, звучала музыка.

Средний город никогда не спал. Да и как он мог спать, зная, что здесь же находится улица Целомудрия с лучшими в мире увеселительными заведениями, от самых утонченно-развратных, для любителей изысканных утех с толстыми кошельками, до таких, где не стыдно появиться приличной девушке?

Фонтаны и тенистые аллеи, парки статуй и висячие сады одевали все это царственным очарованием. По реке скользили увитые цветами лодки; ночью на них зажигались разноцветные фонари, и река казалась объятай пламенем.

Переехав мост через канал, путник оказывался перед главным рынком – тоже в некотором роде сердце города, не менее важное, чем его центральная часть. Ночью здесь царил тишина. Ряды спящих палаток и опустевшие навесы после ярких огней и веселья казались особенно тихими.

За рынком начинался собственно Арш – его фабрики и мастерские, его кузницы, его заводы, где производилось все, от кирпича до тончайшей бумаги, от оружия и колесниц до изысканнейшего посудного стекла. На крупных заводах одновременно трудились сотни рабочих. Небольшие мастерские уместались под одной крышей с магазинами и домами своих владельцев. На эту часть города приходилась большая часть магазинов и лавок, здесь же держали свои конторы ростовщики и нотариусы.

Здесь тоже хватало увеселительных заведений, в том числе вполне пристойных, где можно отдохнуть и местному жителю, и сошедшему с корабля иностранцу. Для последних в этой части города имелось целых три гостиницы. Здесь была судостроительная верфь и причал, отсюда корабли с товарами уходили вниз по течению, вдоль земель Арша, морским путем в Эссард. Сюда же они возвращались, груженые тканями, винами и металлами Эссарда. С севера, от истоков Ксара, шли баржи с лесом и строительным камнем.

Жили в этой части города в основном свободные, хотя и многие члены младших семей высшего сословия, заведя себе дело, не брезговали поселиться здесь, поближе к новостям, сделкам и деньгам.

Дорога к Синему кварталу шла прямо вдоль реки, минуя верфь, огибая священные рощи вокруг трех храмов Сестры. Эти храмы, предназначенные для бездомных и рабов, были единственным местом, где высшие жители Арша служили низшим, где женщины – служительницы

Сестры из Белых домов утешали, лечили и кормили всех, кто в этом нуждался, независимо от происхождения, потому что милосердная богиня добра даже к самым недостойным из своих детей.

По другую сторону реки, достаточно широкой, чтобы ветер не доносил запахи и звуки, лежали кварталы бездомных. Ряд мостов соединял их с городом.

Там было темно и тихо. Низшему сословию не положены ночные развлечения. Их день начинается с работы и работой заканчивается. За редкими примитивными удовольствиями бездомные идут в питейные заведения и публичные дома, что содержатся за счет городской казны. К полуночи их кварталы затихают, чтобы на рассвете, прежде чем в городе пропоют рога, наполниться шумом, бегом полуголой ребятни, женской суетой и грубыми мужскими голосами.

Другой мир, близкий и в то же время чуждый всему, что знала и понимала Иарра.

Дорога теперь была неровной, в выбоинах и кочках. Колесница пошла медленнее. Переезжая очередной мост, Иарра едва сдержалась, чтобы не попросить Укки подогнать лошадей – в такой темноте это было бы самоубийством. Непонятные страхи ее деда, страхи, которые, оказывается, разделял энс Карана, еще молодой и слишком умный, чтобы подозревать его в старческих фантазиях, против воли владели ее мыслями. Неужели это все правда?

Она поморщилась и замотала головой: ну уж нет! Хватит с них войны и Бессмертных, Эннуг бы их побрал! Неприятности должны приходиться по одной, в худшем случае – по две. Остальные пускай ждут своей очереди.

Темная вода маслянисто блестела, отражая нависшее над городом звездное небо. Повернув голову, Иарра мысленно нарисовала дорожку от звезды к звезде – от плеча Брата к его локтю, к руке, державшей глиняную таблицу с начертанным законом мироустройства. Второй таблицы у созвездия не было. Любопытный ребенок из бездомных ответил бы, почему: все внимание Брата доставалось людям высших сословий, кто родился под сенью одного из Домов, и свободным. До бездомных и рабов ему дела не было, они жили и умирали в темноте и отчаянии, пока однажды божественная Сестра не сжалилась над ними. Она обманом похитила у Брата одну из таблиц и принесла ее обездоленным, чтобы у них тоже был закон, вера и утешение. С тех пор в великом городе Арше стоят храмы Брата и Сестры и каждый может найти отраду в соответствии со своим положением.

Знающие люди сказали бы, что история эта лжива и никакого разлада в божественном семействе никогда не было. Что храмы Сестры и милосердие ее служительниц нужны, чтобы держать в повиновении низшие сословия, чтобы отчаяние их ничтожных жизней выливалось в молитвы, а не в бунты. Чтобы проповеди учили их видеть в своем унижении высшую волю и ждать воздаяния в царстве Эннуга, где приготовлено особое место для всех, кому при жизни довелось страдать.

Иарра представила насмешливый дедовский оскал и сама невольно усмехнулась. Старый кощунник, бывая в особенно дурном настроении, называл выдумкой самих богов и идиотами – всех, кто в них верит. Но это уж слишком. Она в жизни не повторит этого вслух.

Изменившийся звук под колесами подсказал, что они снова проезжают мост. Иарра повернула голову и вздрогнула от испуга: с десятков человеческих фигур вынырнули из темноты и мчались наперерез колеснице. Укки тревожно вскрикнул и взмахнул хлыстом, но было уже поздно. В них сразу с трех сторон летели камни.

Лошади шарахнулись, повозка упала набок. Иарре удалось сразу вскочить на ноги. Она отпрыгнула в сторону, оглянулась и увидела, как две перепуганные лошади тащат вперед третью, как та ржет и отчаянно пытается подняться. Опрокинутая повозка мешала ей.

Укки лежал на земле. Иарра скорее догадалась, чем увидела, что вокруг его головы расплывается темное пятно крови.

Метко запущенный камень ударил ее в ключицу. Иарра пошатнулась, хотела бежать, но нападавшие были уже рядом. Кто-то поставил ей подножку, и она упала – неловко, на спину. Задохнулась от боли, ничего не понимая, с ужасом видя нависших над нею в темноте людей. Попыталась встать, но чья-то босая нога наступила ей на грудь и прижала к земле.

– Женщина! – сказал голос.

Ему ответили резким, дерганным смехом. Иарра подавилась страхом, сообразив: они нарочно раззадоривают себя, они понимают, что делают, и знают, что им уже нечего терять.

– Энская сука! Вот повезло!

– Кто первый? Ты, Ринш? А то давай я!

– Жди своей очереди! Держите ее!

Иарра отбивалась, извиваясь всем телом и мотая головой, но ее руки и плечи придавили к земле, а подол платья задрали до самой шеи. Такого ужаса не приснится ни в одном кошмаре. Страх и отвращение почти лишили ее рассудка, превратив в мычащее и плачущее животное.

Нет, нет, нет, пожалуйста!

Но когда на нее навалилось тяжелое тело и в рот ударил запах пивного дыхания, приступ тошноты вернул ей сознание.

Из всех мыслей в голове осталась одна – про деда. Она может стать жертвой нападения, быть изнасилованной и умереть от рук бездомных, но разочаровать энса Адая – невозможно, будь ты хоть самый мертвый труп. А при ней ведь, прямо сейчас, его жезл!

Иарра завизжала изо всех сил. Это сработало всего на секунду, они ослабили хватку, оглянулись, не явится ли кто на помощь жертве. Она вывернулась и вцепилась зубами в чью-то волосатую руку. Раздались проклятия. Иарру ударили в лицо, но ей удалось на мгновение освободить руку и замахнуться, чтобы попасть жезлом в насильника.

Получилось, не получилось? Она не поняла. Ее снова держали и снова били. Кто-то раздвинул ей ноги, и Иарра снова закричала, на этот раз от ужаса. Боги, если они в самом деле не выдумка, должны позволить ей умереть прежде, чем это случится!

Она не знала, что у нее получилось, пока неудавшийся насильник не забился, как в приступе падучей. Из рта с хрипом полетела пена, забрызгала ей лицо. Один из тех, кто держал Иарру, отскочил, другие ослабили хватку.

– Ринш? Ринш, ты что?!

– Он умирает!

– Он его убила! Энская сука!

Яд аргальской травяной змеи, выпаренный и сгущенный в лаборатории, не просто убивает – он убивает мучительно. Энсов жезл не подвел. Крохотный механизм, вершина искусства Синих мастеров, специально настроенный так, чтобы срабатывать только при ударе, правильно понял ее бессильный замах. Из змеиного хвоста вылетел тонкий, тоньше кактусовой иглы, ядовитый шип и вонзился в тело Ринша. Спасти его теперь не смог бы никто.

Он извивался и бился так, что конечности вырывались из суставов, заходился хрипом, – а его испуганные подельники отодвигались все дальше. Иарру больше не держали, она отчаянно пыталась выбраться из-под содрогающегося тела. Из криков и ругательств ничего нельзя было понять.

Потом раздался топот, как будто приближалась целая толпа, закричали, перебивая друг друга, десятка голосов. Иарра выбралась, оставив под Риншем свою накидку, вскочила и кинулась бежать.

Кто-то бросился ей наперерез, схватил за плечо. Иарра оттолкнула его, увернулась от другого, проскользнула под чьей-то рукой с ножом и прыгнула в реку.

Вода показалась ледяной, но то был благословенный холод, он смывал ужас и не давал потерять сознание. Иарра набрала полную грудь воздуха, нырнула, сбрасывая с ног сандалии, и поплыла.

Она отогнала все мысли, сосредоточившись на движениях, на стремлении вперед, прочь от кошмара. Через минуту вода уже была теплой. Вперед, вместе с течением, быстрее течения. Далеко внизу лежит илистое дно, над головой сквозь толщу воды пробивается лунный свет.

Вперед, Иарра, не думай ни о чем. Потом, это все потом. Сейчас ты должна остаться живой. Дед убьет тебя, если ты погибнешь!

Когда легкие готовы были разорваться, вынырнула, хватая ртом воздух, и тут же вновь ушла под воду. Ее преследовали, конечно же. Теперь они ни за что не упустят добычу. Она поплыла снова, не слыша, но ощущая всем телом топот бегущих ног. Раздался плеск – кто-то решил догнать ее вплавь.

Ну попробуйте, давайте!

Энсов жезл болтался на запястье. Подумать только, как небрежно она с ним обращалась, размахивала руками, мчалась на колеснице и не заботилась, что на ее руке – смерть! А дед, неужели он сам не боялся?

Быстрее, вот так! Далеко позади барахтались неуклюжие преследователи. Им в жизни ее не догнать, но как насчет тех, что на берегу?

Опять закончился воздух. Иарра всплыла, перевернувшись на спину, так, чтобы из воды показалось только лицо. Жадно вдохнула. Луна светила прямо на нее, огромная масляно-желтая лепешка над головой. Голоса звучали совсем близко. Вот они взорвались криками – заметили.

Она ушла вниз прежде, чем в воду полетели камни, нырнула, каждую секунду ожидая угодить под удар и чувствуя себя, впервые в жизни, совершенно беспомощной. Поплыла снова, изо всех сил, пока в ушах не зашумело и перед глазами не расплылись яркие желто-зеленые круги. Тогда, за секунду до того, как потеряла бы сознание, она вынырнула – прямо под широкой, спасительно-надежной громадой моста.

Задышала, пытаясь успокоить сердце. Течение сносило ее вправо – должно быть, это ответвление реки, канал, уходящий в кварталы бездомных. Ей нужно плыть налево, прочь из-под моста, дальше, туда... туда, где как раз слышны сердитые голоса потерявших ее из виду преследователей.

Думать было некогда. Иарра нырнула и поплыла вдоль моста в канал, прочь от убийц, от дороги к дому – во тьму кварталов бездомных.

Она не знала, как скоро они догадаются, куда она пропала, не знала, как долго еще сможет плыть вот так, когда легкие горят огнем, а конечности сводит судорога. Но когда она решилась вынырнуть, вокруг было темно, если не считать небесной лепешки, и тихо. Иарра подплыла к берегу и кое-как выбралась из воды. Упала на мокрые камни. Руки и ноги казались такими тяжелыми, как будто к каждой привязали по толстой каменной плите.

Наверно, она все-таки лишилась чувств, хоть и ненадолго – масляная лепешка и звезды погасли, а тяжесть исчезла. Затем вернулся свет, а с ним усталость и осознание всего, что случилось. Заседание Палаты, дорога, а потом...

Иарра вскрикнула. Укки погиб, а она – она убила человека!

– Нет!

Вместо крика у нее получился полуписк-полустон, но в тишине спящего квартала и он показался слишком громким. Ее как будто ударили – ничего не закончилось, преследователи все еще где-то там, они не успокоятся, пока ее не найдут!

Она рывком вскочила на ноги и кинулась бежать.

Одинаковые, как приземистые братья-близнецы, дома из обожженного кирпича стояли очень близко друг к другу. Оказавшись в узком, похожем на щель проходе между ними, Иарра свернула наугад, пробежала немного и опять свернула, даже не пытаясь запомнить направление.

Она задыхалась. Сердце билось так сильно, что еще чуть-чуть, и выскочило бы наружу. Погони не было слышно, вообще ничего не было слышно, кроме шума и глухих ударов в ушах. Где-то далеко светила луна, но перед глазами густела пьяная темнота. Показалось – она все-таки умерла и бежит темной дорогой к царству Эннуга. Туда, где вечный холод и тлен, откуда нет и не будет возврата... Чего еще и ждать, если она убила человека?

Она споткнулась обо что-то, кирпич или камень, и упала на четвереньки, больно ободрав ладони и колени. Поднялась, хотела бежать дальше, но ноги отказались слушаться. Иарра сделала, шатаясь, несколько шагов и упала на землю.

Сжалась в дрожащий комок и заплакала. Если сейчас придут убийцы, она ничего не сможет, они сделают с ней все, что пожелают, а жезл теперь бесполезен. Надо было убить им саму себя.

Лица коснулся осторожный луч света – совсем не яркий, но она вздрогнула и прикрылась ладонями. Через мгновение, убрав руки, увидела не убийц, а всего лишь приоткрытую дверь одного из домов и девушку в короткой серой тунике, с лампой в руках.

– Тебе худо? – ее хриловатый выговор с первого слова выдавал бездомную. – Что случилось?

– Я убила человека, – Иарра зарыдала навзрыд.

Девушка охнула. Шагнула ближе, освещая ее своей лампой – грязное и мокрое, но богатое платье, украшения на руках и ногах. Конечно, она поняла, кто перед ней. Настороженно вскинула голову, озираясь, никого не увидела и сказала резко:

– Тебя саму убьют, если будешь тут сидеть. Пошли.

Иарра замотала головой – она не могла встать. Сильная рука обхватила ее за плечи и подняла на ноги. Через несколько секунд бездомная позволила ей упасть на застеленный циновкой пол, поставила лампу на низкий столик и принялась запирать дверь.

Иарра лежала, подтянув к животу колени и держась за грудь. Бездомная исчезла из виду, но вскоре вернулась. Опустившись на пол рядом, помогла Иарре приподняться и поднесла к губам глубокую чашу из обожженной глины.

– Пей, – велела она.

Иарра промокла и наглоталась воды на всю жизнь вперед, но все же послушалась и сделала глоток. В чаше оказалось густое ячменное пиво, свежее и холодное, оно придало сил. Иарра выпила еще и ожила настолько, что села и даже вспомнила о вежливости:

– Спасибо!

– Куда ж мне тебя девать? – спросила девушка как будто у самой себя. Потом вдруг спохватилась и добавила: – Балла.

– Пожалуйста... – ее снова затрясло. Она обхватила себя за плечи: – Пожалуйста, не отдавай меня, они меня убьют!

– Да уж понятно, – бездомная вздохнула. – Не реви, балла. Придумаем что-нибудь. Раздавайся.

– Что?

– Одежду твою, говорю. Надо ее выкинуть.

Она встала и исчезла за дверью, ведущей во внутренние помещения дома. Иарра осталась сидеть, где была. Она убила человека, и теперь ее тоже хотят убить. Она убила человека...

– Я же сказала – не реви, – девушка бросила ей на колени тряпичный сверток. – На вот, надень. А свое все сними.

Слишком измученная, чтобы спорить, Иарра разделась и поспешно натянула такую же, как у бездомной, тунику из грубого полотна, с неподшитым краем длиной чуть ниже бедер и с открытыми плечами. Догадавшись, сняла браслеты и вытащила из ушей серьги. Не придумала, куда спрятать жезл, потому просто сжала его в руке.

Бездомная одобрительно кивнула. Собрав все вещи, свернула вместе и засунула между стеной и ларем с посудой:

– Завтра сожгу.

Иарра огляделась, вытирая слезы. Стол, на котором светит лампа, две скамьи, составленная на другом столе глиняная посуда, два больших ларя – кухня. С противоположной стороны от входа еще одна дверь, полуоткрытая, видимо, ведет в жилые комнаты. Почти нет мебели, кроме самой необходимой, но чисто, и даже стены побелены. Она слышала, бездомные ютятся целыми семьями в убогих комнатушках, спят, едят и сношаются в одном и том же месте, но непохоже, чтобы это было правдой.

– Кто здесь живет с тобой?

Девушка ответила с неохотой:

– Брат. Его сейчас нет.

Одежда была грубой, но ее прикосновения к коже неожиданно помогли Иарре собраться с мыслями. Двое милостивы к ней, раз она еще жива. Эта девушка, бездомная...

– Как твое имя?

– Таша, балла. Молчи и слушайся, если хочешь жить, ясно?

С этими словами Таша схватила ее за руку и утащила внутрь дома, в маленькую комнату с белеными стенами, где не было ничего, кроме простого ложа из тростника и сундука с одеждой. Матрац был застелен простынями из того же грубого полотна и шерстяным покрывалом. Бездомная подтолкнула ее к постели:

– Укройся с головой. Лежи тихо и молчи. Я разбужу, когда будет можно.

Иарра подчинилась: «Молчи и слушайся, если хочешь жить». Улеглась в постель, чистую, между прочим, и натянула на голову пахнущее овечьей шерстью покрывало. Таша постояла и ушла обратно в кухню. Дверь осталась приоткрытой, так что было слышно, как она двигается и стучит посудой, как негромко напевает себе под нос.

Иарра слушала, не решаясь пошевелиться.

Она редко сталкивалась с бездомными. В доме энса Адая им поручали только самую черную работу, вроде чистки канализационных стоков или восстановления разбитой каменной кладки на внешнем дворе. Такие работники нанимались всегда ненадолго. Все живущие при доме слуги принадлежали или к свободным, или к младшим семьям Девяти Домов, или были семейными рабами уже не одно поколение. В библиотеке Синего квартала, которой Иарра в последние годы посвящала почти все свое время, все, от начиная с ответственных хранителей до последнего мальчишки, стиравшего пыль с древних манускриптов, были уроженцами одного из трех Домов Синей ветви, так же, как служители домашнего храма – Белой.

Редкие бездомные, которых ей случалось видеть дома, как и все, что встречались ей на улицах, на рынках, где они служили носильщиками грузов, погонщиками и чистильщиками, нисколько не походили на Ташу.

Или, вернее, это она не походила на них, униженно-покорных, не то глуповатых, не то просто с головой погруженных в свои непонятные мысли, озабоченных лишь тем, как быстрее сделать свое дело и отправиться восвояси. Им было неинтересно и они были неинтересны – усталые выючные животные.

А Таша...

Позабыв о запрете, Иарра отбросила покрывало и перевернулась на спину. Те, кто напал на нее сегодня, были бездомными, грубыми пьяными ничтожествами, вышедшими, как и предсказал дед, из повиновения. Девушка была трезвой, она проявила сочувствие и она, скорее всего, рисковала – рисковала собой ради спасения незнакомки из высшего сословия, защищать которую не было никаких причин.

Это поступок свободного человека, человека с разумом и душой. И как прикажете это понимать?

Она в конце концов задремала и не услышала прихода мужчины. Проснулась от вопроса, заданного резким голосом прямо в дверях:

– Кто у тебя?

И услышала Ташин спокойный ответ:

– Пата. Тихо, не буди.

Мужчина постоял немного – Иарра не смела даже вдохнуть – и вернулся в кухню. Тонкие стены почти не заглушали голосов:

– Опять сбежала? Что он сделал?

– Побил. Будто ты не знаешь!

– По-твоему, нам больше нечем заняться, как обсуждать жен? Шак знает, что она здесь?

– Его не было, когда она уходила. Она вернется утром, не бойся. Пускай спит.

Мужчина хмыкнул. Судя по голосу, он был молод и изрядно зол.

– Ладно, не до нее. Дай мне быстро поесть, Таша. И собирайся. Утром пойдешь на базар, наймешься хоть кем, хоть быков пасти, хоть шлюхе ноги мыть, лишь бы убраться из города.

– Что случилось? – спросила Таша.

Наступила тишина, прерываемая только торопливым стуком ложки о край миски. Потом мужчина сказал:

– Ринш и трое из его шайки вызвались добровольцами. Я разрешил, этих точно не жалко. Исхфан с ними закончил, мы дали им денег и отпустили, как обычно, догулять свое. Лучше бы не отпускали! Они и так-то были уже, а тут еще выпили, накрутили себя и пошли на мост. Силу пробовать.

Таша ахнула – весьма убедительно для той, что уже знала, чем закончилось дело:

– Распробовали?

– Да нет у них еще никакой силы! Напали на проезжую девку, а та, как назло, из высших. Не знаю, что она сделала, но Ринш мертв. И не оживет, слишком мало времени прошло. А главное, пока эти тупоголовые приходили в себя, она успела удрать.

– Поймали?

– Нет! Нырнула в воду и ищи-свищи! Мы все берега обшарили, нет ее. Если не утонула... Плохо, Таша. Добро бы поймали, исчезла и исчезла, на нас бы и думать никто не стал – мало ли что бывает. А так, если она доберется до своих... Таша, убирайся из города. Сегодня же. Ты меня слышала?

Иарра обливалась холодным потом, подтянув колени к груди и отчаянно сжимая серебряный энсов жезл. Ядовитый шип в нем был всего один, теперь, пока не побывает снова в руках мастера, это просто бесполезный знак власти. Лишнее доказательство того, что за важная птица досталась бездомным, если только у них хватит ума это понять. Сейчас Таша выдаст ее, должна выдать. И тогда...

Пережитый на мосту ужас снова навалился давящей тошнотой. Нет, только не это, лучше умереть! Не станет же этот человек насиловать ее при Таше? Просто убьет. А она, Иарра, будет сопротивляться и кричать, чтобы ему пришлось поскорее ее убить. О Двое, пожалуйста, пусть ее убьют быстро!

– Я тебя слышала, – спокойно сказала Таша. – Я никуда не уеду.

– Я тебя не спрашиваю!

– А я тебя не спрашиваю. Здесь у нас с тобой дом. Почему я должна уезжать?

– Дура! Потому что завтра сюда придут солдаты! А я не смогу сидеть тебя сторожить, я должен сторожить Исхфана, ты сама знаешь! Он – наша надежда!

– Вот и сторожи его, а обо мне не думай. Я не маленькая, знаю, что делать. А еще – вы же их не просто так будете ждать? Сам говорил – однажды начнется. Ну так и пускай!

– Ты не поняла – мы не можем! Исхфан только начал набирать людей, многим я отказал, у кого семья, ты же знаешь. Много хотят, очень много, но все равно, хоть сейчас все сделаем, пройдет день-два, пока они будут готовы. Ничего не выйдет. Мы спрячем Исхфана и будем терпеть, как раньше, больше никак. Всех не убьют, потом начнем все снова. Ты слышишь меня, Таша? Уезжай.

– А ты? Если они тебя убьют?

– Я сам все затеял, куда мне бежать? Если спрячусь, второй раз они мне не поверят! Да и не могу я. Лучше сдохнуть, чем жить бездомным. Я остаюсь.

– И ты думаешь, я хочу так жить? Тебя пускай убьют, а я останусь бездомной мыть ноги шлюхам? Ну уж нет!

– Дура, – тихо сказал мужчина. – Ладно уж, слушай. Кое-кто у нас все же есть, человек двадцать. Остальные – добровольцы, только кто сам захочет. Мы не готовы, но раз все так, начнем сегодня. Утром будет весело. Понимаешь теперь, почему надо уехать?

– Нет. И не уговаривай даже.

– Дура.

– Ну и пусть.

– Все равно утром уйди из квартала. Не знаю, что тут будет.

– Я наймусь до вечера. Вечером вернусь.

– Ладно, только осторожно. Не глупи, Таша.

Иарра услышала шаги и едва успела накрыться с головой одеялом. Но бездомный прошел в другую комнату и вскоре вышел обратно. Негромко открылась и закрылась входная дверь, и стало тихо. В комнату вернулась Таша.

Иарра поднялась ей навстречу. Из всех слов, какие можно сказать, у нее остались всего несколько – один простой вопрос:

– Как мне тебя благодарить?!

Таша смотрела хмуро. Глаза у нее были мокрыми.

– Надо было ему сказать!

– Но ты не сказала, – возразила Иарра. – Таша, если я могу что-то сделать для тебя... для вас...

– Что? – воскликнула девушка. – Сделай, чтобы завтра ничего не было! Чтобы нас не трогали! Можешь?!

– Таша, моего слугу убили и меня тоже пытались убить и изнасиловать, и ты хочешь, чтобы я просила деда не наказывать их?

– Твоего деда? Кто это?

Иарра вздохнула.

– Мой дед – энс одного из Девяти Домов. Энс Адай Самурхиль. Я его внучка.

Бездомная отшатнулась при слове «энс», да так и осталась стоять – приоткрытый рот, ужас в широко распахнутых глазах.

– Когда он узнает...

Иарра кивнула:

– А тот, кто здесь только что был, он бы простил, если бы с тобой такое сделали? Скажи!

Таша выдохнула с ужасом:

– Почему я ему не сказала?!

– Но ведь не сказала, – повторила Иарра.

– Твой дед – из энсов, а мой брат – вождь бездомных! Мы враги!

– Нет! Таша, ты меня спасла, я никогда не буду твоим врагом!

Ее слова несколько не убедили бездомную. Иарра зажмурилась и выговорила на одном дыхании:

– Клянусь Двумя и Непознаваемым, Таша, что никогда не сделаю ничего тебе во вред!

Открыв глаза, посмотрела на ничего не понимающую собеседницу и со вздохом объяснила:

– Это клятва Девяти Домов, ее нельзя нарушить. Теперь мне придется просить деда, чтобы он оставил это все без наказания.

Таша недоверчиво переспросила:

– Правда?

– Правда. Только мне нужно попасть домой... и кстати, твой брат ошибается, когда думает, что если я пропаду, вас не заподозрят. Дед предсказал по звездам, что вы выйдете из повиновения, и ваше восстание тоже предсказал. И не он один. Если я не вернусь, утром здесь будут солдаты.

Гордая дочь Дома Самурхиль Иарра ни секунды не сомневалась и даже не подумала, что имеет дело с бездомной, когда протянула Таше обе руки:

– Пожалуйста, поверь мне.

И та, поколебавшись, вложила в ее ладони свои:

– Ладно.

Утробные звуки рогов только возвестили начало дня, когда две девушки вышли на мост и переглянулись, остановившись у самого края, чтобы их не увлек поток спешащих на дневные работы бездомных. Как и все вокруг, они были одеты в простые некрашенные туники и шли босиком. Одна, ниже ростом, но шире в плечах, кидала вокруг быстрые взгляды, умудряясь при этом сохранять обычный для ее сословия равнодушно-глуповатый вид. Другая была слишком напугана, чтобы сохранять хоть какой-то вид, поэтому шла, опустив голову, и не поднимала глаз.

Длинные волосы, признак свободы и состоятельности, она спрятала под неловко намотанное головное покрывало. Надвинутое почти до самых глаз, оно скрывало густо замазанную грязью татуировку на лбу. В руках она прятала обмотанный тряпкой жезл энса. Если этот ненадежный маскарад до сих пор не раскрыли, то лишь потому, что раскрывать было некому. Никто не обращал на нее внимания.

В этот ранний час воздух над Аршем был еще свеж. От канала тянуло влагой и скользкими камнями, слабым запахом рыбьей чешуи. К середине дня, если только не переменится погода и не начнется дождь, солнце раскалит камни улиц, нагреет взбитую множеством ног пыль, и в городе станет совершенно нечем дышать. Тогда все, кто по праву рождения может выбирать себе занятие по вкусу, удалятся пережидать жару в тени садов и под сенью городских крыш. Даже нищие, и те заползут в свои дневные укрытия. Торговцы скроются в глубине своих палаток, приказав подать кислые напитки и призвав слугу с опахалом.

Единственные, кому нипочем дневная жара, кто трудится с утра до ночи – бездомные. Их тела прожарены солнцем, вымочены дождями и перекручены ветром, они крепче мулов и неприхотливее свиней. От рассвета до темноты город кишит ими, они сила, что движет его стройками, фабриками и верфями, обслуживанием его каналов и плотин, посевами и жатвой. Если высшие считаются разумом и душой Арша, то бездомные, без сомнения, его натруженные мышцы.

Они шли мимо бесконечным серым потоком – в основном женщины, старики и дети. Если Таша и заметила, что все мужчины куда-то пропали, то ничего не сказала, а Иарра не решилась спрашивать. Она молчала всю дорогу, опасаясь привлечь внимание своим выговором. Смотрела на собственные босые ноги, как они поднимают пыль, как пыль въедается в их кожу, обычно чистую и холеную. Короткая серая туника не доходила даже до колен – благородная девушка должна бы счесть это унижением.

Не хотелось думать, что в роскошных тряпках и драгоценностях и есть все различие между ней и бездомными, но вот – кто сейчас узнал бы гордую внучку самого Адая Самурхиль?

Только когда пришло время прощаться, Иарра подняла голову и взглянула на Ташу. Та хмурилась.

– Прощай, балла, – сказала она.

– Найди меня, – попросила Иарра. – В любой день, когда захочешь, приходи к дому энса и скажи, что я за тобой посылала. Я все что угодно для тебя сделаю. Придешь?

Таша неопределенно мотнула головой:

– Посмотрим.

– Приходи. И будь осторожнее, что бы у вас там ни затевалось. Я буду молить Двоих о твоей безопасности каждый день. Обещаю.

Таша чуть улыбнулась:

– Ладно. Ты тоже больше не попадайся. Прощай.

Развернулась и мгновенно слилась с толпой. Иарра сразу потеряла ее из виду. Вдохнула и зашагала в противоположную сторону, туда, где вскоре замаячит изящная архитектура Синего квартала.

Глава 3. Однажды в древности

Приблизиться к дому энса в нищенской одежде обычно было нетрудно: ни один бездомный не явился бы сюда, не будучи нанят на работу – если идет, значит, знает зачем. Но сегодня, как назло, на улицах оказалось полно солдат. На нее смотрели так подозрительно, словно спешащая по своим делам бездомная могла оказаться вражеским лазутчиком.

Иарра сгорала от стыда. На этих улицах, где знала каждый камень, ввиду дворцов и обсерваторий, школ и театров, она шла опустив голову и чуть ли не жмурилась от страха, что встретит кого-нибудь знакомого. Грязная оборванка из Дома Самурхиль – какой позор! Дед наверняка скажет, что лучше бы ей умереть, чем так унижить его имя!

Во дворе родного дома ей преградил дорогу незнакомец в воинской одежде, с коротким узким клинком на боку. Татуировка у него на лбу говорила о принадлежности к младшей семье Дома Нинхур; вид, когда он резким толчком отбросил Иарру от дверей, был хмурым донельзя.

– Куда?! – рявкнул он.

К сумасшедшему стыду Иарры добавился такой же сумасшедший гнев, и она рассвирепела не хуже самого энса.

– С дороги, – прорычала она, сдергивая с головы покрывало.

Татуировка Дома на лбу была густо замазана сажей. Иарра с остервенением провела по ней ладонью. Проклятые бездомные!

– Пошла вон, нищенка!

Это было сказано беззлобно, даже лениво. Удар тяжелого кулака выбил из нее дыхание и бросил на землю, прямо к обутым в сандалии ногам воина.

– Ты сгниешь в тюрьме! – вскакивая, воскликнула Иарра. О Двое, у нее же жезл энса! Отскочив на шаг, она остервенело принялась разматывать тряпку: – Я прикажу тебя казнить, я...

– Балла, это ты! Убери руки, парень!

Этот крик вернул ее на землю.

Незадачливый солдат разглядел наконец татуировку и понял, что перед ним хозяйка дома. Он сдулся, как проткнутый рыбий пузырь. Рухнул на колени, головой почти до земли, весь – нижайшая покорность, и раскаяние, и готовность принять наказание... Он испугался не зря. Ни один энс не вступится за незначительного отпрыска своего Дома, оскорбившего члена семьи другого энса. Если пожелает, Иарра вправду может сгноить его в тюрьме.

Она победно улыбнулась и тут же поняла, какое представление только что устроила. Из глаз хлынули слезы, первые со вчерашней ночи.

Магана, старая управляющая их дома, схватила ее за руки.

– Хвала Двоим, деточка, ты жива! Что с тобой случилось? Мы так испугались, твой дед... О Двое, твоё платье! Твои ноги! Бедная моя малышка, что случилось?!

Иарра могла лишь мотать головой и всхлипывать. Магана обняла ее и ласково гладила по спине. Прикосновения этих с детства знакомых рук возвращали к жизни – все закончилась, она дома. Все позади.

– Спать, Магана, – прошептала наконец Иарра. – Нет, сначала к деду. Нет, в ванну, а потом к деду!

– К деду, прямо сейчас, он вне себя. Деточка, он думал, ты погибла, думал, бездомные тебя убили! Мы все так думали!

– Бездомные?

Магана отпустила ее и сказала:

– Взгляни, на чем стоишь.

Иарра посмотрела вниз. Ее ноги покрылись грязью и онемели от непривычной ходьбы босиком, но она все равно бы ничего не почувствовала – кровь на камнях успела высохнуть. Но все же это была кровь, зловещее багрово-черное пятно перед дверью и еще более страшный след, ведущий прочь со двора. Похоже было, что здесь протащили чье-то тело, быть может, не одно.

Еще вчера при виде такой картины Иарра завизжала бы и кинулась прочь, но эта ночь не прошла бесследно. Она сглотнула тошноту и выдавила:

– Что случилось?

– Бездомные. Прибежали с камнями и палками, хотели ворваться в дом. Хвала Двоим, стража подоспела вовремя! По всему городу то же самое, – Магана кивнула на Красного, который по-прежнему стоял на коленях: – вот он принес вести. Что прикажешь с ним делать?

Иарра замотала головой – ей все еще было стыдно.

– Мне все равно. Я должна увидеть деда.

Она все-таки велела приготовить ванну: явиться к деду в таком виде было просто опасно. С энса Адая станется обозвать ее похуже, чем тот незадачливый солдат, и даже выгнать за дверь, а ей сегодня уже хватит унижений.

Прохладная вода и заботливые руки почти излечили ее страхи. Ласковая девушка-служанка из свободных старательно намыливала ее волосы, Магана поминутно заглядывала в двери – проверяла.

Иарра закрыла глаза, отпуская ужасные воспоминания вместе с пылью и усталостью. Это не повторится, никогда, ни за что. Она больше не будет беззащитной перед бездомными... перед кем угодно! До сих пор по глупости обходилась без охраны, но теперь все изменится. Энс Карана был прав. Надо будет сказать деду...

Из глаз вдруг брызнули слезы, а служанка испуганно отдернула руки и спросила:

– Больно, балла?

– Нет. Не сильно.

Зачерпнув ладонями пенной воды, умыла лицо. По плечу расплылся огромный красно-черный синяк, и больно было, если честно, очень. Как именно заработала это украшение, Иарра не помнила.

Выбравшись из ванны, забрала у служанки полотенце и, обернувшись им, пошла прочь. С волос и тела капала вода, но Иарре это нравилось – она дома. Может шлепать босыми ногами по украшенному мозаикой, совершенно чистому полу и улыбаться, когда с пути шарахнется, стыдливо отводя глаза, покрасневший раб. Если захочет, может приказать – даже не приказывать, лишь кивнуть Магане, и у двери выстроится целая вереница слуг с расческами, щеточками и маслами для тела, с прохладными напитками и сладостями, и всем, чего пожелает капризная энсова внучка. Если только захочет...

Ведь если изо всех сил делать вид, что вчерашнее унижение ей приснилось, можно и самой в это поверить, разве нет?

Теперь одеться – и быстрее к деду, пока он окончательно не потерял терпения.

Но терпение энса Адая иссякло еще ночью, когда стало ясно, что Иарра не вернулась домой. Она поняла это сразу, как шагнула в спальню, где на постели лежало приготовленное заботливой Маганой платье, а возле кровати, серый от гнева, раздраженно стуча змеиным набалдашником трости по подлокотникам своего кресла, дожидался дед.

Видах, как раз в этот миг покидавший спальню, посторонился, пропуская Иарру. Его нахальный взгляд, брошенный ей тайком от энса, задержался на синяке и потемнел.

– Где ты была?! – заорал дед, как только она вошла.

– В ванной, – ответила Иарра, прекрасно понимая, что спрашивает он о другом. – Дед, разреши мне одеться. Потом я все расскажу.

– Сюда! – рявкнул он и, когда она подошла, прогремел: – На колени!

Иарра, придерживая полотенце, опустилась на колени перед креслом. Сухие пальцы энса ощупали ее плечи, потянув за волосы, заставили запрокинуть голову. Слезящиеся от старости глаза разглядывали ее так тревожно и так подозрительно, словно энс ожидал обнаружить ее мертвой и тщательно это скрывающей.

Иарра не шевелилась. Только убедившись, что, кроме синяков и ссадин, она невредима, он отвел взгляд и выпустил ее волосы.

– Ты беспокоился за меня, дед, – прошептала Иарра. – Ты за меня боялся!

– Глупая девка, – его голос дрожал. – Я виноват, что отправил тебя из дому в такую ночь! Звезды сулили беду от бездомных! Это они? Как ты уцелела?

– Твой жезл. Я убила человека.

Мысль, что дед правда взволнован, что он испугался за нее – за нее, а не за драгоценное наследство своего Дома! – поразила ее, пожалуй, больше, чем вся прошлая ночь.

– На нас напали, когда мы проезжали мост. Убили лошадей. И Укки тоже. Их было так много, мы ничего не успели понять! Меня тоже хотели убить, а когда увидели, что я женщина... – старик вздрогнул и захрипел, Иарра испуганно схватила его за руки: – Они ничего не смогли, дед, я ударила его жезлом, и он умер! Я вырвалась и прыгнула в воду. Они гнались, но... дед, пожалуйста, не волнуйся!

– Иарра Самурхиль, – проговорил энс. – Ты моя наследница.

– Я так горжусь, что принадлежу к твоему Дому, дед!

– Ты не поняла. Я думал всю эту проклятую ночь! Я хочу, чтобы ты была моей законной наследницей. Как только кончится эта возня с бездомными, я призову нотариусов и прикажу им составить завещание, и подпишу его при двенадцати свидетелях. После моей смерти власть над Домом Самурхиль перейдет к тебе.

– Дед, – прошептала Иарра.

– Ты не рада?

– А моя мать?

– Такова моя воля! – рявкнул он. – Ты смеешь ее оспаривать?!

Он все еще шумно дышал, но говорил теперь, как вечно чем-нибудь раздраженный властный старик-энс, и Иарра облегченно выдохнула.

Она не могла преклонить коленей и вложить своих рук в его, как требовал обычай, потому что и так стояла перед дедом на коленях, цепляясь за его руки и чувствуя в них тревожную дрожь. Она просто произнесла старинную клятву – позже повторит при свидетелях, но то будет лишь ритуал. Все важное происходило здесь и сейчас:

– Мои ноги пойдут по твоим следам, и мои руки поднимут твой топор. Я защищу твоих друзей и убью твоих врагов. Я засею твои поля и оберегу твой скот. Я принесу жертвы твоему духу, дабы он благоденствовал в царстве Эннуга, а когда настанет время и мне сойти в его чертоги, я принесу тебе отчет о твоём имуществе и обо всех моих делах, и будешь ты моим судьей. Клянусь в том Двумя и Непознаваемым, – и, не удержавшись, жалобно добавила: – Но я не хочу принимать Дом, дед! Я хочу, чтобы ты жил вечно!

– Я и собираюсь жить вечно, но вы с вашей возней только и знаете, как отрывать меня от поисков! – буркнул старик, и Иарра увидела, что он доволен. – Одевайся. Жду тебя в моем кабинете. Да, и скажи, чтобы принесли туда завтрак. Разговор будет долгим.

Разговор и вправду получился долгим. В тишине кабинета, от пола до потолка занятого стеллажами, сундуками и ящиками с книгами, от древних глиняных таблиц с письменами на мертвом языке, до свитков из тонкого пергамента и изысканных, огромной стоимости фоли-

антов из прошитых бумажных листов, оправленных в кожу и украшенных золотыми инкрустациями, Иарра поведала деду о своих невеселых приключениях и выслушала его рассказ. О зловещих знаках в ночном небе, о нападении бездомных, что ворвались за час до рассвета в богатые дома в разных частях города, во дворцы и храмы, о десятках убитых, о панике свободных и растерянности высших. О том, как поднялись по тревоге воины Красных Домов, как город наполнился звоном мечей, как волнения завершились, едва начавшись.

Когда Иарра пришла домой, солдаты уже сгоняли в переполненные темницы участников нападений – почти всех молодых мужчин бездомных Арша, и вешали зачинщиков – выхваченных из толпы, как часто бывает, почти наугад.

– Как еще меня не схватили на улице и не повесили, – передернула плечами Иарра.

– Женщин никто не трогал, – хмуро возразил дед. – Но еще раз учинишь такое... Это же надо – переодеться бездомной!

– Разве лучше, если бы я переделалась мертвой?

– Глупая девка, – буркнул энс. – Вздумалось же тебе пропасть в такое время! Теперь еще с этими бездомными возни не оберешься! Вечером соберется Палата, и они просят меня быть лично. Ха! Теперь им нужен мой совет! Теперь они жалеют, что меня не слушали!

Иарру его мрачное веселье позабавило:

– Ты их всех одолел, дед. Кстати, энс Карана верил тебе и раньше. Он, по-моему, очень умен.

– К Эннугу их всех! Я собираюсь рассказать тебе все.

– О чем рассказать?

– Молчи и слушай! Ты моя наследница, поэтому будешь знать. Но сначала – поклянись молчать обо всем, что услышишь. Клянись!

– Ох, дед, – Иарра все еще не понимала, к чему он клонит. – Я со вчерашнего вечера клялась целых два раза! Можно обойтись без этого?

– Клянись! – прорычал энс, и ей ничего не осталось, кроме как подчиниться.

Когда клятва была принесена, дед хмуро кивнул:

– Так-то! Я наконец разобрался почти во всем. И мне совсем некстати ваша глупая возня, тебе ясно?

Кривой дедовский палец сердито нацелился ей в лицо. Выглядело это устрашающе. Иарра спросила:

– Ты хочешь, чтобы я поехала в Палату вместо тебя?

– Эннуг тебя заведи, нет! Хватит с меня твоих прогулок! Ни шагу из дома, Иарра Самурхиль, до тех пор, пока я не найду время выбрать тебе достойную охрану! Ты меня поняла?

– Поняла, дед. Спасибо.

– Ты теперь наследница Дома, так что веди себя соответственно!

– Я буду вести себя соответственно.

– Уж изволь, – буркнул он. – Иди смотри. В ящике и на столе.

Иарра послушалась. На широком столе, установленном под окном так, чтобы свет падал прямо на него, лежали растрескавшиеся, местами разбитые глиняные таблицы, какие использовались в древние времена для записи законов и повествований. Письмена на них были частично уничтожены временем. Рядом желтел пергаментный свиток по виду ненамного новее самих таблиц, и еще один, в лучшем состоянии, но тоже очень старый. Тут же стоял ужасно древний ларец темного дерева. В нем Иарра увидела еще свитки и свернутые листы бумаги, все, кроме нескольких, желтые от старости.

Она осторожно облокотилась на край стола, стараясь не задеть лишний раз драгоценные таблицы, и принялась разбирать знаки древнего языка:

О днях, когда мир был иссохшей пустыней,

*Поведаю ныне,
Как тучи светила его затмевали,
И тени вставали.
Как люди в щелях и ветвях хоронились,
Подняться страшились.
И звери в расщелины гор убежали,
От страха дрожали.
Ни люди, ни звери с душою живою
Не знали покоя.
Посеяна смерть от пустыни до моря,
Взошла нам на горе,
Чужие пришли, урожай собирали,
Потом пировали,
От неба до самого нижнего ада,
То демоны хлада...*

Дед молча ждал, что она скажет. Наконец она подняла голову:

– «Имир и хладные демоны». Я читала ее раз десять, не меньше. Ты этим решил меня удивить, дед? Вторая таблица тоже про этого Имира. Почему вдруг он тебя заинтересовал?

– Почему меня интересует Имир Кровопийца? Имир победитель демонов? Имир изгнатель богов? Почему бы это, если не потому, что он был бессмертен?

– Но это же легенда! С каких пор ты веришь в богов и чудовищ?

– Имир не бог и легенда, Иарра Самурхиль! Он основал этот город, будь он неладен, и правил им тысячи лет!

– В самом деле? – Иарра наугад ткнула пальцем во вторую таблицу. Прочитала медленно, переводя на язык современного Арша: – «Тогда Имир разгневался, и огонь вышел из его ладоней, и сжег город вместе со всеми жителями. И предсказал Имир, что до конца мира люди не будут жить на этой земле и возделывать ее». В это ты теперь веришь, да?

– Это Бат-Ольская пустошь, если хочешь знать. Там до сих пор никто не живет и не возделывает ее.

– Потому что земля там засолена! Какой смысл ее возделывать?! Ну хорошо. А в хладных демонов ты тоже веришь? А в...

– Хватит! – прикрикнул энс. – Закрой рот и слушай! Ты знаешь, кто такие Хранители?

Иарра пожала плечами:

– Старая секта Синих, которая давно вымерла. Кажется, они боролись за сохранение памятников древности. При чем здесь это? Мы и так бережем памятники!

Энс Адай крикнул, будто она сказала что-то неприличное. Повозил по полу концом трости. Невероятно, но теперь он выглядел смущенным.

– Что такое, дед?

– Мне не нравится слово «секта», – сказал он. – Не смей его больше произносить. Общество Хранителей существует с незапамятных времен, прояви уважение. То, что они вымерли, тоже неправда. Последний из Хранителей – я.

– Ты?

Больше Иарра не нашла что сказать. Энс поглядел на нее исподлобья:

– И ты тоже, с сегодняшнего дня. Из всех, кому я мог бы передать знание, ты единственная его достойна.

Иарра открыла рот и закрыла снова, не произнеся ни звука. Ее дед принадлежит к вымершему тайному обществу и называет ее достойной. Нет, не так – единственной достойной. Чего еще ждать от такого дня?

– В ящике архив, – сказал энс. – Немногие доказательства, которые у нас есть, кроме легенд и таблиц, которые всем известны. Мы храним их и переписываем раз в поколение. Если я умру, ты должна будешь сделать то же самое и, главное, хранить тайну. От всех, запомни это. Свитки, которые лежат перед тобой, возьми и прочитай. Один из них – история раскопок под храмом Непознаваемого.

– Под храмом?

Было похоже, что она разучилась говорить и может лишь повторять его слова. Дед нахмурился:

– Под храмом есть подземелье. Его раскопали шестьсот лет назад, потом закрыли снова. Нашему обществу пришлось потрудиться, чтобы память об этом исчезла из всех архивов. Свиток, который перед тобой – единственный.

– Единственный, – повторила Иарра.

– Второму тексту больше двух тысяч лет. Раньше он хранился в десяти экземплярах, сейчас – в двух, и оба перед тобой. Когда будешь снимать копию, помни, что образец нужно сразу предать огню. Он не должен попасть в чужие руки.

– Предать огню, – повторила она, и дед наконец расхохотался, ударяя в пол концом трости:

– Ты похожа на лунатика, Иарра Самурхиль! Отправляйся-ка спать! Потом читай и думай. Это твое задание на ближайшие дни.

Иарра осторожно взяла свитки и пошла к выходу. Она лунатик, и ее только что приняли в секту Хранителей. А божество доисторического Арша, Имир, чьи разломанные статуи с самодовольно выпученными глазами до сих пор находят в погребках и подземельях, жило на самом деле, и ее дед в это верит.

У дверей она обернулась:

– «Иарра Самурхиль» – это теперь вместо «глупая девка»?

– Пошла вон! – гаркнул энс и запустил в нее тростью.

– Мне надо было еще раньше потеряться, – выпалила она, выскакивая прочь.

Он что-то сердито кричал вслед, но Иарра уже не слышала.

«Решение Палаты, принятое большинством голосов, таково: найденное подземелье следует расчистить. Для производства работ еженедельно выделять восемь сиклей серебром в деньгах города Арша. Работы поручить Содружеству свободных каменщиков, обязав их в точности следовать предписаниям мастеров Синих Домов, дабы ни один памятник истории не был разрушен или поврежден. Бездомных для черных работ нанимать по необходимости с поденной платой. Сокровища, буде таковые действительно обнаружатся в подземелье, внести в городскую казну, знания же считать достоянием великого города Арша, для процветания его и вящей славы...»

Текст, несомненно, принадлежал перу летописца из Синих. Иарра скользила глазами по строчкам, пропуская ненужные подробности хода работ и отчеты о затраченных средствах. Писавший, похоже, был ее собственным предком: семейная дотошность Самурхиль сквозила в каждом предложении.

Пришлось признать, что дед не ошибся. Под храмом Непознаваемого, единственным строением, уцелевшим со времен доисторического Арша, действительно было подземелье. Невероятно, что шесть веков спустя об этом никто не знает. Куда же смотрели Самурхиль?

Ах да. Иарра закусил губу, проворачивая свиток. Самурхиль как раз и позаботились, чтобы о подземелье никто не знал.

Наконец она обнаружила что-то интересное:

«Ход завершается комнатой двадцати восьми шагов в ширину и двадцати восьми в длину. Стены комнаты укреплены каменными плитами, поддерживающими свод до его обру-

шения, так же как и колонны в середине помещения. Дальняя стена разрушена. При расчистке завала обнаружен камень, более всего похожий на кристалл необыкновенно большого размера. Повернуть или сдвинуть с места его не удалось даже после того, как были приведены быки. Поверхность его так тверда, что удары орудиями не оставляют на ней следов. Мастера Синих Домов подвергли его тщательному изучению. Их заключение прилагается:

«Двенадцатого дня месяца даузу окончено исследование кристалла под храмом Непознаваемого. Длина его в пять локтей и ширина в три локтя; точный вес определить невозможно. Поверхность твердая. При столкновении с железом и камнем не разрушается. При нагревании остается холодной. К кислоте нечувствительна. Свет отражается от нее, преломляясь и усиливаясь, так что маленькая лампа, будучи поднесенной к кристаллу, освещает всю пещеру.

Между тем замечено, что у всех, долгое время соприкасавшихся с камнем, возникают головные боли и усиливаются все обычные болезни, но врачи не могут определить причину. Некоторые больные выздоравливают, оказавшись вдали от подземелья. Но двенадцать человек уже умерли, и есть основания полагать, что будут и новые жертвы.

Приняв во внимание вышеперечисленное, сообщаем, что нынешними средствами распознать природу находки невозможно. В то же время находка представляет несомненную опасность для здоровья людей и может представлять опасность еще большую, о которой нам неизвестно. Посему следует оставить ее неприкосновенной до тех пор, пока не возникнут новые знания, позволяющие ее изучить либо уничтожить. Подземелье следует закрыть. В сем подписываются: Бассем из Дома Самурхиль, Мели из Дома Самурхиль, Куммия из Дома Дамур, Такити из Дома Эбратхиль, Амагеш из Дома Эбратхиль. Печатью священника удостоверяет Физид из Дома Анишмар».

Также прилагается список обнаруженных в комнате предметов:

Остатки большого стола из железа и дерева, со сгнившими деревянными частями. Двенадцать сосудов из серебра, похожих на чаши с сужающимися краями; некоторые опрокинуты, в других засохшая темная жидкость. Поначалу она была принята за вино, но алхимики из Синих Домов, исследовав, признали в ней человеческую кровь. Кроме того, в комнате обнаружен неповрежденный скелет человека, вероятно, попавшего под обвал.

Двадцать восьмого дня месяца даузу раскопки были завершены. Вход в подземелье закрыт, защитный механизм восстановлен. Запись об этом и ключи вручены на хранение главам Девяти Домов».

На этом запись обрывалась.

Иарра отложила свиток и подкрутила фитиль лампы. Она так и не смогла заснуть. Все что с ней случилось, что в конце концов сделало ее наследницей Дома в обход матери, странные дедовские разговоры, то и дело всплывающий в памяти убитый бездомный – слишком много для ее бедной головы. Даже в тишине ей мерещились чьи-то крики. Хотелось спрятаться и забыть обо всем, но не получалось. Чтение хотя бы отвлекало.

Теперь, когда оказалось, что дед прав насчет подземелья, ей даже стало интересно – что за тайну откроет второй свиток? По словам энса, он копировался тысячи лет, еще с доисторических времен. Уж кто-кто, а глава летописцев первым должен подумать, что это подделка!

Она удобнее устроилась в постели, облокотившись на подушку и разложив рядом второй свиток. В языке древних жителей Арша каждая буква обозначала целый слог, а когда и слово. Разбирать их уставали глаза, но Иаррой уже владело любопытство.

Что за историю раскопал ее неугомонный дед?

«Я расскажу всю правду о том, что видела, о том, что сделала и что сделали со мной. Пусть ее запишут на глине и на коже; я хотела бы высечь ее в камне, чтобы, когда под солнцем

истает даже память о нас, люди все еще сторожили его, но теперь не осталось уже никого, кто был бы способен это воплотить. Сила моя иссякла. Вся надежда теперь – на Непокорных, ибо они одни знают правду. Они поклялись передать ее детям и завещать, чтобы те передали своим. Да будет так, пока стоит мир.

Я, Элетия, до сегодняшнего дня называемая Царицей мира, клянусь Молчащими богами, клянусь своей кровью и проклятой Силой, что все это правда.

Я родилась в городе Арише под сенью всемилостивого Имира, Царя царей. Его слава превосходила славу солнца и звезд. Правители всех земель в страхе преклонялись перед Имиром и называли его богом, и никто, до самых краев земли, не смел перечить его воле. В незапамятные времена он явился из-за пределов мира, от края великой тьмы. Земля тогда была во власти ночных созданий, которых люди называли хладными демонами, пожирающими человеческие души. Имир сражался с ними и победил. Он изгнал демонов, но этого ему было мало, и он изгнал также и богов. С тех пор и до сегодняшнего дня миром правил один Имир. Он был Царем, и он был богом. Но я, единственная, кому Имир открыл все свои тайны до последней, свидетельствую: хоть Сила Имира равна Силе богов и даже сейчас его тело неподвластно смерти, он всего лишь человек.

Моим отцом был Саад, один из Непокорных. Многие века Непокорные втайне противостояли Имиру, сберегали знания, передавая их из поколения в поколение, и хранили надежду в ожидании своего часа. И вот он настал. Когда моя мать была в тягости, Прорицательница предсказала мне избрание Молчащими богами и гибель Имиру через меня. С тех пор меня готовили к моему предназначению. Я должна была вырасти совершенной душой и телом, чтобы в день, когда меня приведут перед его лицо, он больше не смог отвести от меня глаз, чтобы впустил меня в свое сердце и свою душу. Тогда я смогу выведать его тайны и погубить его. Так и случилось.

Но мне не должно было знать о моем предназначении прежде времени, иначе Сила Имира открыла бы ему правду: ничья магия не могла устоять перед его могуществом. Я выросла в неведении и, впервые увидев Имира, полюбила его всем сердцем. Полюбил меня и он, попавшись в сети смертельного заговора. Молчащие боги свидетели, что никто доселе не любил так, как любили мы. Я улыбаюсь, вспоминая об этом сейчас, хотя не прошло и суток с того часа, когда я обрушила потолок над местом его заключения, где он останется до окончания времен.

Он не скрыл от меня причин своей страсти: мое лицо и мое тело в точности походило на лицо и тело другой женщины, бывшей его возлюбленной в ином мире. Та женщина давно умерла, но тоска по ней сопровождала его много веков до встречи со мной. Множество раз, обнимая меня, он называл ее имя. Он любил ее во мне, но любил также и меня.

В то время я не различала между добром и злом. Жестокости, творимые моим возлюбленным, не вызывали у меня сожалений. Сердце мое было тверже камня; когда Имир убедился в этом, он, желая сохранить меня для себя навечно, ввел меня в тайный круг своих учеников. Так я познала науки, произошедшие из иного мира. Люди, обладавшие таким знанием, в сравнении с остальными все равно что боги, настолько они превосходят их и мудростью, и силой. Недаром Имира почитали за бога, но я знаю и свидетельствую, что он человек.

За годы обучения я достигла совершенства в Познании. Тогда пришло время Воздействия, и Имир сам поднес мне мою первую чашу крови. Я не испытывала ни страха, ни сомнений. Имир наблюдал за мной, и я думала лишь о том, чтобы он остался мною доволен; я все сделала правильно и стала магом».

«Поднес мне мою первую чашу крови». Иарра протерла глаза и отодвинула свиток. Ей порою трудно было выбрать из двух или даже трех вариантов прочтения, и сейчас она сомневалась, что поняла правильно. Что значит – «поднес чашу крови»? Иносказание или какой-то ритуал? До сих пор ей не встречалось подобных упоминаний в старинных текстах,

а ведь она прочла их немало. Неужели у древних было в обычае разливать в чаши кровь и пить ее?

Иарра содрогнулась, вообразив это зрелище. Ничего не скажешь, подходяще чтение на ночь, да еще после того, как сама убила человека!

С другой стороны – прозвище Имира «Кровопийца» так обретает совсем другой смысл.

Иарра зевнула. Пока что она не прочла ничего такого, что заставило бы поверить или, наоборот, счесть написанное подделкой. Глаза слипались, но она упрямо провернула свиток и читала, пока сон не заставил ее забыться, упав щекой прямо на ломкий от времени пергамент.

Глава 4. Брат и сестра

Наследница одного из Девяти Домов – звание официальное и весьма обязывающее. До сих пор собственная жизнь казалась Иарре просто невыносимо размеренной и упорядоченной, как будто вся она проходила под знаменем «достоинства Дома». Достоинство Дома требовало получить блестящее образование во всех сферах, считавшихся принадлежностью Синих, и постоянно совершенствовать свои знания. Достоинство Дома заставляло проводить в библиотеке большую часть того времени, что не посвящалось обучению, быть в курсе всех главных новостей Арша, присутствовать на приемах и представлениях и никогда не давать повода говорить о себе иначе, кроме как о благонравнейшей из девушек высшего сословия. Но при всем этом у нее находилось время для веселья и даже для любви. Раньше, но не теперь.

В первый раз, когда дед наконец позволил ей выйти на улицу и нанести визит подруге, дочери смотрителя главной городской обсерватории, у дверей Иарру поджидали носилки.

Она застыла на месте при виде такого новшества. Восемь дарастанских рабов – полуголые тела лоснятся на солнце, на лицах никакого выражения, как и положено вымуштрованным слугам, – неподвижно застыли возле жердей. По обе стороны носилок в куда более небрежных позах ждали стражники, и то были не рабы и даже не свободные, а воины с татуировками Красных Домов. Один оказался ей знаком – тот самый незадачливый солдат, ударивший ее на пороге собственного дома. Сейчас он смиренно опустил на одно колено и в такой позе дожидался, пока наследница энса заметит его присутствие.

Иарра прошла мимо не взглянув. Ну, спасибо тебе, дед!

Устроившись на подушках, махнула рукой, и рабы тут же подняли на плечи жерди. Стражники зашагали по обе стороны, но так, чтобы лишний раз не попадаться ей на глаза. Носилки мерно покачивались. Их кровля заслоняла от солнца, уже не такого жаркого, как летом. В воздухе пахло дождем. Шитые золотом занавески остались раздвинутыми, так что Иарра могла видеть все вокруг.

Вспомнилось детство – тогда ей часто приходилось путешествовать в носилках с матерью, высокородной баллой Инсиной. Прохожие кланялись, приветствовали наследницу энса. Мать благосклонно кивала, блестела драгоценностями и улыбалась Иарре. На людях она всегда делалась очень ласковой. Как же давно это было!

К тому времени, когда Синий квартал остался позади и по правую руку заблестела темная вода Ксара, Иарра готова была признать, что идея с носилками не так уж плоха.

Обратно возвращалась в темноте. Накрапывал дождь, мелкий и теплый, пахнувший пылью и нагретой глиной. Хотя война была уже делом решенным и первые отряды Красных вместе с получившими призыв свободными еще на той неделе отбыли в направлении Дарастана, город не поддавался унынию. Улицы были полны гуляющими людьми. Иарру приветствовали веселыми криками и взмахами поднятых ладоней.

Когда ей наскучило улыбаться и отвечать, она задернула занавески и откинулась на подушки. Кто сказал, что носилки – это старомодно и напыщенно? Да они просто завидуют!

Беседа по душам помогла ей, на сердце давно не было так легко. Саттия, дочь смотрителя обсерватории, оказалась на удивление осведомлена обо всем. От нее Иарра узнала, о чем не упоминал дед: к примеру, что из бездомных, участвовавших в нападении на энсов, казнен каждый пятый, выбранный по жребию, а прочие отпущены. Что тела казненных оставлены без погребения вне городских стен, для устрашения остальным. Что бездомным отныне запрещено выходить из своих домов от вечерних рогов до утренних, что их квартал патрулирует ночная стража, но кто-то все же умудрился выкрасть для погребения часть тел. Ни кто это сделал, ни где их погребли, так и не удалось выяснить, тела просто исчезли на вторую ночь.

Еще Саттия сказала, усмехаясь, будто бы нападение на Иарру обсуждали в Палате, и энс Карана торжественно клялся лично отыскать виновников и разбросать куски их трупов по всему кварталу бездомных. Но это уже было явной сплетней. К тому же Иарра знала от деда, что Карана скоро отправится с войском на запад, куда уже отбыл Нерр, так что вряд ли у него в ближайшие месяцы будет время для чьих-то трупов, не считая дарастанских.

Она посмеялась вместе с подругой и вдруг поняла, что воспоминание о той ночи меркнет и почти уже не пугает.

Радуясь неожиданному спокойствию, убаюканная качанием носилок и мерным топотом своей новой стражи, Иарра почти задремала, когда резкий шум ворвался в ее мысли, а носилки дрогнули, как будто рабы сбились с шага.

Потом покачивание возобновилось. Мужские голоса звучали совсем рядом. Кто-то выкрикнул ругательство, послышался резкий свист и хлопок хлыста. Глухо вскрикнул мужчина, потом закричала, гневно протестуя, женщина. Иарра раздвинула занавески: ей показалось, что она узнала голос.

Она снова была у моста в кварталы бездомных, и снова был такой же яркий лунный вечер. Вокруг, не считая четверки мужчин в одеждах городской стражи и двух их жертв, никого не было.

Стражники с хлыстами и мечами обступили кого-то, кто упал на колени и прикрывал голову. Один из стражников раз отводил в сторону хлыст после удара.

Упавшего мужчину заслоняла собой девушка. Она отчаянно кричала – что брат не виноват, что это она заработалась допоздна, и он вышел ее встретить, только и всего, и если стражникам надо кого-то наказать, пусть это будет она, а не... Следующий удар как раз и пришелся бы по ней, и стражник уже успел замахнуться.

– Стойте! – закричала Иарра, но воздух уже разрезал тонкий свист и сразу – оглушительный хлопок.

Девушка упала. Ее брат со звериным рычанием бросился на стражника. Иарра выпрыгнула из носилок прежде, чем рабы успели их опустить, и кинулась на помощь.

Ее собственная стража показала себя блестяще, так что пришлось простить им все, сразу и навсегда. Прежде чем Иарра успела добежать, Красные уже отгеснили стражников от жертв, лишили оружия и взяли в ошестиненное клинками кольцо.

Только тогда командир Красных повернул голову и спросил:

– Балла?

В этом вопросе было все – и недоумение, что наследнице энса вздумалось вступаться за бездомных, и неудовольствие от собственной роли в происходящем. Наверное, впервые в жизни воин Красного дома поднял оружие против городской стражи, и ради кого?

Но Иарра уже отвернулась к девушке. Та успела подняться. Жгучий удар пришелся ей по лицу, где быстро вспухал красной полосой, рассек ткань туники от плеча до самого живота и оставил след на коже. Девушка рыдала – Иарре показалось, что больше от ярости и унижения, чем от боли.

– Таша! Ты цела?

Девушка пробормотала что-то невнятное. Не переставая плакать, униженно согнулась, как подобает бездомной перед лицом высшего сословия. Ее брат остался стоять в двух шагах, и лишь когда Иарра посмотрела на него, нехотя склонил голову.

– Эта бездомная благодарит баллу за милосердие, – со всхлипом проговорила Таша.

Иарра и сама не ожидала, что так разозлится:

– Да что такое ты говоришь?! Когда эта бездомная в прошлый раз спасала мою жизнь, она говорила не так!

Мужчина тихо присвистнул – довольно нахально, отметила Иарра про себя. Головы, правда, не поднял.

– Эта бездомная просит прощения.

Иарра вздохнула. За ними наблюдали двенадцать пар глаз – не лучшее место для объяснений, даже если считать, что объяснения тут нужны.

– Это твой брат?

– Да, балла, – ответила Таша.

– У тебя есть имя? – спросила Иарра мужчину.

Тот ответил, не поднимая головы:

– Этот бездомный Римуш.

Почтительности в его голосе было куда меньше, чем в позе. И да, это был тот же самый голос. Лица не было видно из-за нависших мокрых волос, сутулая фигура даже в склоненном виде казалась очень высокой.

Вождь бездомных? Жизнь становится интереснее с каждым днем!

– Бездомный Римуш, – сказала Иарра. – Недавно я воспользовалась гостеприимством твоего дома. Это случилось без твоей воли, думаю, если бы ты об этом узнал, ты бы меня убил. Тем не менее я обязана твоему дому благодарностью и сегодня этот долг возвращаю. Тебя больше никто не тронет. Один из моих стражей проводит тебя домой, чтобы удостовериться в этом. Таша сегодня будет моей гостьей, и я даю слово, что с ней ничего не случится. Подожди минуту.

Красные успели спрятать мечи в ножны. Теперь стражники стояли вперемешку и тарасились на нее, как на комедийного актера, дожидаясь – что еще выкинет? За их спинами садилось большое мокро-оранжевое солнце и тихо скользили по реке лодки. Шел дождь, на который никто не обращал внимания. Где-то далеко нежный женский голос пел о любви.

Иарру посетило озарение – она знала, кто ей нужен. Красный, ударивший ее недавно, выступил вперед. Он тоже догадался.

– Как тебя зовут? – спросила Иарра.

– Симуги, балла. Я буду рад выполнить твою волю.

– Я хочу, чтобы этот человек дошел до своего дома невредимым. Сделаешь?

– Непременно.

Он поклонился и твердым шагом направился к покорно ожидавшему Римушу. Если поручение показалось Симуги унижительным, он ничем этого не проявил.

Иарра улыбнулась: стоит завести привычку окружать себя теми, кто перед тобой в чем-нибудь виноват. Не это ли имел в виду дед, приставив к ней Симуги?

– Пойдем! – сказала она Таше.

Бездомная не шелохнулась. На ее лице был настоящий ужас, но Иарра не стала ждать возражений. Схватила ее за руки и потащила к носилкам.

– Залезай, я приказываю!

Городские стражники из свободных смотрели во все глаза. Можно было не сомневаться, что завтра эту сцену будет обсуждать весь город. Ну и пусть!

В носилках Таша забилась в самый угол и тарасилась, как перепуганный щенок. Иарра задернула занавески и приказала:

– Домой!

Сквозь щели в занавесках почти не проникал свет. Дождь успокаивающе шелестел по крыше. Таша молчала. Кажется, она даже старалась не дышать.

Иарра протянула к ней руку:

– Перестань же! Чего ты так испугалась?

– Эта бездомная...

– Хватит! Я что, обозналась, это вовсе не ты?

– Я, – призналась Таша очень тихо, Иарра едва ее расслышала. – Отпусти меня домой, балла!

– Чтобы тебя опять схватили стражники? Не дури! Ты обещала ко мне прийти и не пришла. Почему?

– Эта бездомная не смела беспокоить баллу.

– Эта бездомная сейчас получит по голове, если не прекратит! Я обязана тебе жизнью, помнишь?

– Помню, – Таша как будто улыбнулась, но тут же охнула от боли.

Осторожно потрогала щеку. Даже в полутьме Иарра видела кровавый след кнута.

– Больно, Таша? – глупый вопрос, конечно, больно!

– Не сильно.

– Потерпи немного! Приедем, и тебе наложат мазь. И пожалуйста, перестань вздрагивать!

Почему ты не веришь в мою благодарность?

– Ты из высших. Высшие нас презирают...

– А ты из бездомных. Бездомные вообще не люди, они только работают, едят и спят, ну, еще размножаются...

– Неправда! – воскликнула Таша.

Иарра улыбнулась ее возмущению:

– Я уже поняла, что неправда. Теперь ты тоже пойми, что высшие бывают разными.

Приведя бездомную к себе домой, она ожидала переполоха, даже скандала. Но было тихо – зловещей тишиной, как будто весь дом до самого последнего раба затаил дыхание, ожидая, когда грянет гром. Можно было только гадать, сколько минут пройдет, прежде чем о ее выходе доложат энсу.

Но Иарра не собиралась ждать его гнева. Она провела Ташу в свои комнаты и решительно препоручила Магане:

– Это Таша, она моя гостя, ты за нее отвечаешь. Вели приготовить ей постель в моей спальне и ужин принести тоже сюда, мы поедем вдвоем. Я иду к деду. Таша ранена, помоги ей. Дай ей мое платье, это промокло и порвано. И... – Иарра заколебалась, – если она захочет, приготовьте ей ванну и искупайте ее. Ты все поняла?

У Маганы от возмущения отвисла челюсть. Прослужив семье энса больше сорока лет, она ни разу не получала такого оскорбления.

– Да чтобы я...

– Молчи! – крикнула Иарра. – Когда на меня напали бездомные, Таша спасла мне жизнь, ясно? Если кто-нибудь ее обидит, я... я даже не знаю, что я сделаю!

Магана думала несколько минут. Потом кивнула:

– Поняла я, балла. Ступай-ка, правда, к энсу, пока хуже не сделалось! Пошли, девочка, помажем твое личико.

Она развернула Ташу к дверям – прикоснулась к бездомной, и Иарра удовлетворенно кивнула. Вот бы и с дедом все получилось так же просто!

Таша обернулась – она опять была перепугана до истерики:

– Балла!

– Хочешь в ванну? – спросила ее Магана.

Таша замотала головой:

– Эта бездомная...

– Хочет, – решила Иарра. – Не слушай ее, Магана. Она думает, что моя жизнь вовсе не стоит благодарности!

– Пошли! – и Магана потащила Ташу к дверям так же решительно, как недавно сама Иарра.

Ну и хорошо. А теперь – к деду.

Он уже знал – Иарра решила даже не думать, кто это сделал, иначе ей опять придется кого-то убить! В дверях кабинета ее встретило рычание:

– Что ты вытворяешь, девка?!

Ощущение было такое, словно в лицо ударил порыв злобного ветра. Иарра отшатнулась, но тут же выпятила нижнюю челюсть и пошла напролом – разве не она наследница этого грозного энса?

– Когда это Дом Самурхиль боялся воздать добром за добро и злом за зло вдесятеро и больше?

– Боялся?! – этого дед не ожидал.

– Ну конечно, боялся! Только представь, что о нас скажут Дамур и Эбратхиль, если примем у себя бездомную!

– К Эннугу их всех! Какое мне дело до этих бешеных псов?

– Никакого? – переспросила Иарра. – Они ведь решат, что ты выжил из ума, что твое мнение ничего не стоит, что твои предсказания можно оставить без внимания, что...

– Эннуг тебя заведи, девка! Чего ты добиваешься?

Иарра перевела дух. Хорошо, теперь с ним можно говорить.

– Чтобы ты выслушал меня, дед, прежде чем рубить мне голову, – она пересекла кабинет и остановилась перед креслом энса. Дед нахмурился, вынужденный смотреть снизу вверх, и она поспешно опустила на стул. Подалась вперед: – Я говорила тебе про Ташу, как она спрятала меня в ту ночь, хотя ее собственный брат хотел меня убить. Она рисковала собой, я это знаю, хотя у нее не было никаких причин меня жалеть, даже наоборот! По-твоему, Дом Самурхиль может оставить это без внимания?

Она говорила, как будущая энса, как будто ее собственные дела были делами Дома. Дед мог оскорбиться и поставить ее на место. А мог и наоборот – ведь это он сделал ее наследницей!

– Дала бы ей денег, да и все, – буркнул энс.

Иарра изо всех сил постаралась не улыбнуться.

– Таша с братом не бедствуют. Мне кажется, для бездомных они даже богаты. Но дело не только в этом, дед, даже не в том, что я поклялась ей Двумя и Непознаваемым. Ты предвидел их восстание, ведь правда? Тебя никто не слушал, но ты оказался прав. Скажи, что теперь говорят звезды? Есть еще опасность от бездомных?

– Она никуда и не исчезала, – дед прищурился, в его глазах появился интерес. – К чему ты клонишь?

– К тому, что вождь бездомных – Ташин брат. Помнишь, ты говорил, что врага нужно держать очень близко, желательно за пазухой?

Что это за улыбка на его лице, неужели гордость за нее?

– Это мои слова.

– Я хочу с ней подружиться. Хочу, чтобы она все время была рядом... если ты позволишь, конечно. О нас с тобой будут говорить всякое, я знаю...

– К Эннугу их всех! Кто смеет указывать наследнице моего Дома?

– Только ты сам. Позволишь мне подобрать ей несложную работу в библиотеке? Я могла бы сделать ее своей служанкой, но не хочу ее унижать. По-моему, Таша гордая. А когда бездомные что-нибудь замыслият... мы с тобой об этом узнаем.

– Это оскорбление всем Девяти Домам. Нас возненавидят, – проговорил энс, но слова его прозвучали с удовольствием.

Иарра улыбнулась:

– Так нам будет еще приятнее победить.

Доверив свою необычную гостью Магане, Иарра не ошиблась – Таша оказалась в надежных руках. Купание смыло пот и пыль с ее тела, хотелось надеяться, что вместе с обидами. Простое белое платье из гардероба Иарры смотрелось аккуратно и достаточно скромно, чтобы бездомная не чувствовала себя в нем неловко. Раны обработали целебной мазью – теперь они заживут гораздо быстрее и, главное, не оставят следов на коже.

Крупная, сероглазая, с вечно напряженным скулами и тонкими губами, Таша, пожалуй, была даже красива.

Им приготовили легкий ужин в одной из комнат, примыкавших к Иарриным покоям. Ничего необычного, она часто принимала здесь гостей, будь то подруги или те, кого, по словам деда, следовало держать «за пазухой». На столике между двух уютных диванов дождалось вино, разбавленное водой, рыба в медовом соусе, хлеб, маслины и сладости: варенные в меду орехи, пирожки, финики и виноград. Вода в чашах для омовения рук была смешана с ароматными маслами. Горели свечи – по одной в каждом углу комнаты, так что неяркого света как раз хватало, чтобы видеть все, но ни на чем не сосредотачивать взгляд, не смущаться.

Первым делом Иарра выгнала слуг и предложила:

– Давай будем есть, разговаривать, никуда не торопиться и не думать ни о каких манерах.

Согласна?

Но Таша все еще переминалась с ноги на ногу.

– Лучше бы ты отпустила меня домой, балла.

«Ты» и «меня» – уже лучше, чем «эта бездомная», но все же совсем не то. Иарра присела на край дивана, так что Таше пришлось смотреть на нее сверху вниз.

– Тебе кажется, я удерживаю тебя против воли? Пользуюсь своей властью?

Бездомная помолчала. Потом кивнула.

– Извини, – попросила Иарра. – Я, правда, привыкла всеми командовать, это выходит не нарочно, само собой. Но, правда, я только пытаюсь тебя отблагодарить. Ты спасла мою жизнь, я не сделала для тебя и половины этого, я ничем не рисковала. Почему ты не хочешь верить в мою искренность? Ты принимала меня в своем доме, но ты слишком горда или слишком ненавидишь нас, чтобы позволить мне принять тебя в моем!

Она печально вздохнула и понурилась – если это и вышло наигранно, то лишь самую малость.

Таша охнула и упала на колени.

– Нет, балла! Не думай так! Я, нет, я тебя не ненавижу!

– Нет? – робко переспросила Иарра.

Тут же подумала, что перестаралась, что бездомная заподозрит насмешку, но Таша выдохнула чуть ли не торжественно:

– Клянусь Сестрой!

И тогда Иарра протянула ей руку:

– Меня зовут Иарра. Прошу тебя, когда мы вдвоем, никаких «балла», никаких «бездомная», давай забудем это все. Так никто раньше не делал, ну и пусть. Я хочу быть твоим другом, если только ты согласишься.

Таша, все еще на коленях, прошептала:

– Я тоже хочу.

Иарра увидела в ее глазах слезы и сделала суровое лицо:

– Тогда, если ты опять долго ко мне не придешь, я заявлюсь к тебе в гости сама, со всеми этими рабами и стражниками, и вот тогда тебе будет по-настоящему неловко!

Таша фыркнула, видно, представив эту картину – блестящие золотом носилки и Красных у своих дверей, и рассмеялась:

– Да они в улицу не поместятся, балла!

– Иарра!

– Ладно. Иарра.

– Ну вот! Теперь давай поедим, а? У меня уже живот свело! – и она за руку втащила бездомную на диван.

Таша не возражала.

Она понятия не имела о застольных манерах и смущалась оттого, что не понимает назначения многих предметов – флакончиков с маслом и уксусом, солью и пряностями, вилок и зубочисток – но ела аккуратно и, повторяя за Иаррой, быстро училась. Сама же Иарра старалась вести себя как можно проще, чтобы не смущать гостью.

У них получалось. Вскоре Таша уже сидела за столом с видом знатной дамы и ловко высасывала мясо из клешни огромного речного рака, хихикая – она и не знала, что богатые тоже едят раков! Но смолкла и напряглась, когда Иарра попросила:

– Расскажи мне о себе. Ты живешь вдвоем с братом, кажется?

Таша захлопала глазами, опять став похожей на испуганного зверька, и ей пришлось поправиться:

– Не думай, я не выведываю ваших секретов! Расскажи, что сама захочешь, и все. Так обычно делают друзья. Или хочешь, я первой расскажу о себе, а потом ты, только если захочешь. А?

Таша подумала, потом несмело кивнула. Иарра не поняла, к чему именно относится это согласие, и потому спросила:

– Что ты хотела бы знать? Спрашивай хоть о чем, я отвечу!

Таша отложила высосанную клешню и задумчиво смотрела через заставленный посудой стол. Ее лицо было серьезным и задумчивым, без следа глуповатой маски бездомной. Пририсуй на лбу соответствующую метку, отрасти волосы, и она сойдет даже за высшую, а уж за свободную – наверняка.

Иарра прикусила губу, чтобы сдержать улыбку: какая восхитительно кощунственная мысль! Жаль, ее не оценит даже дед, а все остальные и подавно.

– Я бы послушала про твою жизнь. Про все это, – Таша повела рукой, имея в виду окружающую их роскошь. – Что ты делаешь целыми днями? И про твоего деда... если ты не рассердишься.

«Ага, мы, кажется, на равных. Тебе тоже нужны сведения».

Иарра улыбнулась бездомной:

– Давай я начну с деда. Он... – она хмыкнула. – Он вздорный, капризный и жестокий. С ним никто не смеет спорить, ну, почти никто. Ему девяносто шесть лет. Моя мать родилась, когда у других уже бывают внуки, она его единственный ребенок. Бабушки давно нет. Мама не очень ладит с дедом, да с ним никто не ладит. Когда мне было восемь, они поссорились окончательно. Дед выгнал ее из дому.

Таша охнула. Иарра снова улыбнулась:

– Нет, все не так страшно. Она все еще Самурхиль из семьи энса, этого не отнять. После его смерти Дом должен перейти к ней, если только дед официально не выберет другого наследника. Он отдал ей семейную виллу, это к югу от Арша ниже по реке, и сказал делать там все что хочет, лишь бы не попадалась ему на глаза. Она и не попадает, ей там хорошо, по-моему. Она мне пишет иногда. А еще у меня есть младший брат, которого я видела всего один раз, – Иарра пожала плечами. – Наверно, плохо, что я не с ней, но это дед так решил. Он сам меня воспитал, следил за моим образованием, многому учил сам. Я привыкла жить здесь.

– Ты его любишь?

От такого вопроса Иарра захлопнула рот. До сих пор никому не приходило в голову ее об этом спрашивать.

Любить энса. Любить солнце. Любить бога. Да разве они в этом нуждаются? Они просто есть, были и будут всегда. Зачем им чья-то любовь?

– Н-наверно, – проговорила она. – Но с ним бывает тяжело. Другие энсы его осуждают, считают, что он выжил из ума.

– Но это неправда?

– Нет. Хотя он странный, – и она хмыкнула, желая свести все к шутке. – Ты поймешь, если его увидишь.

– Вряд ли увижу.

– Можешь увидеть, если согласишься на мою просьбу.

– Какую просьбу, балла?

– Ты опять?

– Ой. Иарра. На какую просьбу?

Иарра хитро улыбнулась:

– Утром скажу. И покажу, чем я чаще всего занимаюсь. Идет?

Таша неопределенно пожала плечами. Иарра приняла это за согласие.

– А пока расскажи что-нибудь сама. Давай, а то так нечестно!

– Ну, я родилась на ферме...

Повесть Ташиной жизни оказалась незамысловатой, даже с учетом всего, что она наверняка утаила: детство на большой ферме, принадлежавшей зажиточной семье из свободных, прилежный отец, что пользовался доверием хозяев и постепенно заслужил пост управляющего, но умер от эпидемии, разразившейся в их краях сразу после большой засухи пять лет назад.

Дела на ферме шли все хуже, и хозяин решил ее продать. Человек добрый и жалостливый, он обещал выплатить некоторую сумму тем из работников, кто не захочет оставаться с новыми хозяевами, и обещание сдержал.

Одним из таких работников был Римуш. Получив свою долю, он отправился искать счастья в Арше и прихватил сестру, которой в ту пору шел шестнадцатый год. Бездомным запрещено владеть собственностью, но полученных денег хватило арендовать тот дом, где побывала Иарра, на несколько лет вперед.

Еще мальчиком Римуш выучился плетению из лозы. Сменив несколько мест работы, он оказался в мастерской одного плотника. Тот оценил способного юношу и позволил сделать несколько вещей на пробу.

Через год плетеная мебель вошла в моду во всем Арше и не только в нем, доходы мастера выросли вдвое, изящные столы и кресла теперь заказывали для дворцов и храмов даже из Дарастана. Принадлежность к низшему сословию никогда не позволила бы Римушу продавать их от собственного имени, но, как и предполагала Иарра, брат с сестрой совсем не бедствовали.

Иарра слушала, потягивая разбавленное вино и глядя на свои пальцы, длинные и тонкие, обхватившие филигранной работы кубок. Ее руки не держали иного инструмента, кроме пера, и не знали грязи, кроме чернил и библиотечной пыли. Уроженка Синего Дома, она могла избрать делом жизни любое искусство своего сословия. Музыка или математика, архитектура или астрономия, – все к ее услугам, только бы не позорить Дом бездельем. Но с самого детства она знала, что посвятит себя, как дед, летописям.

Ташины руки были широкими и крепкими. Прикасаясь к ее ладони, Иарра ощущала сухость мозолей и силу ее пальцев, – при желании бездомная могла бы сломать ей руку.

У Иарры было имя Самурхиль и близкое родство с энсом, ей с рождения полагалось самое лучшее – богатство, образование, уважение всегда и от всех. В любом обществе она была желанной гостьей.

У Таши с братом были только они сами, их собственный ум и собственные, привыкшие к работе руки. И этого странным образом оказалось достаточно.

Что же будет, если в эти руки попадет хотя бы часть возможностей, предоставляемых свободой и властью? И разве не этого хочет добиться вождь бездомных Римуш?

Дед был прав. Бездомные опасны, и это серьезней, чем война, которая то ли началась, то ли вот-вот начнется, серьезней, чем Бессмертные, которые, в конце концов, лишь одна из загадок далекого Эссарда.

– Ты тоже плетешь мебель?

Таша кивнула:

– Помогаю. Трудное мне не доверяют.

– Тебе нравится эта работа?

Бездомная пожала плечами:

– Когда научишься, не так уж плохо.

– Согласилась бы поменять ее на другую?

– Зачем мне ее менять?

Иарра не ответила. Поставила кубок на стол и предложила:

– Хочешь, я покажу тебе мои книги?

Холод. Проникающий до самых глубин существа холод вечности, где нет ни дыхания, ни звука – лед в сравнении с ним кажется горячим. Время и пространство застыли, превратились в прозрачную субстанцию, объявшаю все. Плоть и кровь изменили свой состав, стали тверже камня и холоднее льда. Тогда субстанция объяла и их, завершилась. Мгновение стало бесконечностью. Осталась память, но она была пыткой, вечной, непрекращающейся пыткой без надежды на забвение.

– Нет! Выпусти меня! Выпусти!

Она билась ледяных тисках, отчаянно пыталась хотя бы шевельнуться, но не могла даже почувствовать своего тела.

– Выпусти!

Потом чьи-то схватили ее за плечи, приподняли и сильно встряхнули.

– Иарра, проснись, проснись!

Она открыла глаза. Над нею склонилось испуганное лицо. Таша. Еще не придя в себя, Иарра схватила бездомную за руки – так утопающий хватается за любой предмет, до какого может дотянуться:

– Нет!

– Это я, – сказала Таша. – Ты кричала. Я подумала, надо тебя разбудить.

– Ох...

Иарра села. Она была дома, в собственной постели. У изголовья тускло светила почти притушенная лампа, в комнате было тепло. Рядом стояла на коленях встревоженная бездомная.

– Спасибо, что разбудила, Таша.

– Что тебе приснилось?

– Не знаю.

Сердце колотилось, все мышцы ныли, как от долгого бега. Ночная рубашка оказалась мокрой от пота.

– Ты кричала «выпусти меня».

– Правда? Я не помню, – она вытерла лоб краем простыни. – Ничего не помню!

– Ты трясешься. Позвать кого-то?

– Нет, все в порядке, – и правда, бешеный стук сердца стихал. Что бы ни случилось там, во сне, оно закончилось. – Не знаю, что со мной. Это почти каждую ночь с тех пор, как побывала у вас.

– Мы тебя никуда не запирали!

– Нет, конечно. Наверно, я просто очень испугалась в тот раз.

Таша улыбнулась – Иарре показалось, что снисходительно:

– Это пройдет.

– Да. Ложись спать. Надеюсь, я больше тебе не помешаю.

Таша послушно поднялась и ушла к кровати, что специально для нее принесли и поставили у дальней стены. Легла.

Иарра откинулась на подушку. Хорошо, что сегодня она не одна. Может быть, ей пить перед сном успокаивающую настойку? Пусть ее пьют лишь старухи и беременные, неважно, лишь бы помогло!

– Нам мама в детстве пела на ночь, чтобы прогнать худые сны, – вдруг сказала Таша. – Хочешь, я тебе спою?

– Спой, – отозвалась Иарра, удивленная и тронутая.

– Только у меня не очень-то выходит. Римуш бы лучше спел. Вот:

День растаял без следа,

Тихо падает звезда,

В небе тьма ночная,

Встала на крыло.

Ты не бойся, не дрожи,

За руку меня держи,

Расскажу, что знаю —

Скоро сгинет зло.

Скоро вновь придет Имир,

На земле наступит мир...

– Стой! – перебила Иарра. – Имир?

– Это из сказок, – пояснила Таша. – Такой добрый волшебник.

Добрый волшебник? Иарра села в кровати. Ее опять била дрожь.

– У нас нет таких сказок. Расскажи, пожалуйста, Таша!

– Ну, – бездомная помолчала, – когда-то давно землей правил Имир. Он изгнал всех богов, потому что они заставляли людей обижать друг друга, и заставил всех жить в мире. Тогда не было высших и бездомных, все люди были равны, никто никого не обижал, все были счастливыми и жили по справедливости. Но потом боги собрались с силами и помогли злым людям убить Имира, и все стало как сейчас. Но Имир по правде не умер, когда-нибудь он вернется и опять будет всем править, и всем опять будет хорошо. Это просто сказка для детей бездомных, чтобы они не плакали по ночам!

Последние слова Таша произнесла с обидой и злостью, но Иарра не обратила внимания.

– Нет, – сказала она. – Это не сказка. То, что ты рассказала, сказка, но не Имир!

– Откуда ты знаешь? Об этом тоже написано в твоих книгах?

– Да! Он не был добрым и справедливым, его звали Имир Кровопийца, так что здесь вы ошибаетесь. Но все равно. Таша, ты должна мне рассказать все, что помнишь, все эти сказки, чтобы я могла их записать. Прошу тебя, это очень важно. Утром мы с тобой пойдем в библиотеку, я покажу тебе свою работу. И предложу работу тебе, если ты согласишься. Пожалуйста, Таша, согласишься. Я буду платить тебе, столько, сколько ты захочешь. Ты согласишься?

Таша охнула и надолго замолчала.

– Таша, – позвала наконец Иарра. – Я тебя обидела?

– Зачем я тебе? – резко, почти с неприязнью.

– Много причин.

– Скажи!

– Ладно. Одна причина появилась только что – твои сказки. Ты еще не понимаешь, что значат предания о прошлом для нас, для Самурхиль. Это семейное дело. Может быть, твой

рассказ поможет нам с дедом найти то, что мы ищем. Во-вторых, это возмутит других высших, а мне, как и деду, нравится их дразнить. И в-третьих – я не хочу с тобой расставаться.

– Выпускать меня из виду, – хмуро поправила Таша и уточнила: – Нас.

– Ты очень умная девушка. И это, кстати, четвертая причина. И кстати, так вы тоже сможете не выпускать из виду нас.

Таша только хмыкнула.

– Ответь, – попросила Иарра.

– Я спрошу Римуша, – прозвучало почти насмешливо. – Сделаю, как он скажет.

И я ничего не смыслю в этих твоих книгах.

Иарра позволила себе усмехнуться в ответ:

– Я не доверю тебе ничего такого, что ты могла бы испортить.

Глава 5. Дед и внучка

Моя Сила росла с каждым днем. Имир говорил, что у меня врожденная способность к высокой магии, что люди с моим даром рождаются раз в несколько столетий. Я же думала лишь о том, чтобы угодить ему, но постепенно желание Силы захватило меня, и эта страсть сделалась сильнее всех других.

Мое обучение продолжалось и тогда, когда я превзошла остальных учеников. Я обрела бессмертие, которое дает человеческая кровь, научилась повелевать мыслью, материей и плотью живых существ. Но Имиру этого было мало: потеряв осторожность, он пожелал сделать меня равной себе.

Тогда я узнала его тайну, подлинную историю его могущества. Оно есть нарушение ткани Вселенной, незаживающий шрам на Ее теле – результат величайшего преступления. Совершить его под силу очень немногим, не в каждом мире, где живут люди, найдется хотя бы один, кто мог бы это сделать – иначе Вселенная уже была бы разрушена.

Прошедший этим путем обретет могущество, которому завидуют боги. Ему больше не нужна кровь, и умереть он не может, даже если погибнут все миры. Это – проклятие, и это путь, которым Имир решил провести меня.

Глубокой ночью в тайном месте наших занятий он преподнес мне урок, вместить который было труднее всех остальных. Имир открыл передо мною свой разум и позволил увидеть все, что хранила его память, все бесчисленные века его жизни, всю боль и все смерти, которые он носил в себе.

Я знаю, что была единственной, кому позволено это увидеть. Это знание умрет вместе со мной.

Видеть это было превыше человеческих сил. Досмотрев, я упала без чувств. Когда я очнулась, мой возлюбленный спросил меня, готова ли я разделить его проклятие, остаться с ним навечно, до тех пор, пока существует Вселенная и даже дольше. Я любила его, и я ответила согласием.

Так мы начали подготовку к моему превращению в существо, подобное тому, каким был Имир. Только самый могущественный из людей способен совершить это превращение – на родине Имира таких людей называют Сильными магами, но в нашем мире до сих пор не было ни одного. Никому из своих учеников Имир не позволял подняться до таких высот. Теперь я должна была стать Сильной. Но не только я одна: для обряда нам требовалась жертва, и этой жертвой должен был стать другой Сильный маг.

Так началось наше обучение. В тайном месте, где ничьи глаза и уши не могли проникнуть в наш секрет, мы познавали высшую магию. Нас было пятеро, самых способных и самых достойных, кто во всем превзошел других учеников. Я училась наравне с остальными. Они верили, что наша пятерка избрана, чтобы разделить с Имиром Силу и власть над миром: так им сказал Имир. И только я знала, что это ложь и что все четверо обречены смерти.

Иарра вошла в кабинет и остановилась, разглядывая склоненного над свитком деда. Свиток был знакомый, тот самый, чья более новая копия лежала на ее столе и владела ее мыслями больше, чем это позволительно какому-то древнему манускрипту. Временами Иарра боялась, что заразилась от старика безумием.

На дедовском лице глубоким рисунком пролегли морщины – ей показалось или в последние дни их стало больше? Кожа была нездорового серо-коричневого оттенка, руки, когда энс прокручивал свиток, дрожали.

Иарра вздрогнула, уколотая жалостью и беспокойством. В последнее время Палата собиралась почти каждый день, и дед лично ездил на все собрания. По вечерам ему наносили визиты ученые и священники, иногда – энсы. С каждым гостем дед надолго запирался в кабинете и говорил о чем-то, чего Иарра, почти отстраненная от дел, не могла узнать.

Она не обижалась, но видела день ото дня яснее – если он не угомонится, скоро растеряет остатки сил. Что тогда ей делать?

– Ты звал меня, дед?

Он поднял голову.

– Входи. Как твоя подопечная?

Иарра улыбнулась. Подопечная Таша доставила ей немало забавных минут.

– Она очень старается, что ей ни поручи, будет корпеть, пока не сделает до конца. Как только остаемся вдвоем, осаждает меня вопросами, как ребенок, – помилуй меня Двое, я в жизни не встречала такого любопытного ребенка! У нее ловкие руки, дед, я думаю попозже приставить ее к реставрации переплетов. Низар давно требует себе толкового помощника.

– Он просит помощника, а ты приведешь ему бездомную? – дед насмешливо фыркнул, но непохоже было, чтобы он собирался вмешиваться.

Иарра нехотя согласилась:

– Да, это проблема. Поэтому пока Таша убирает мусор и вытирает пыль. Может быть, со временем они привыкнут видеть ее каждый день, будет проще?

– Сомневаюсь. Ты узнала от нее что-нибудь полезное?

– Нет, но ведь и прошло всего две недели. Я все больше убеждаюсь, что мы с тобой поступили правильно, – дед саркастически крякнул в ответ на это «мы», а Иарра набрала воздуха и призналась: – Я начала учить ее буквам.

– Бездомную? – ахнул энс.

– Прости, я должна была спросить тебя! Если ты против... – она вздохнула. – Если ты против, я прекращу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.